Свет, который мы потеряли

Автор:
Джилл Сантополо

Свет, который мы потеряли

Джилл Сантополо

Люси и Гейб познакомились на последнем курсе учебы в Колумбийском университете 11 сентября 2001 года. Этот роковой день навсегда изменит их жизнь. И Люси, и Гейб хотят сделать в жизни что-нибудь значительное, важное. Гейб мечтает стать фотожурналистом, а Люси – делать передачи для детей на телевидении. Через год они встречаются снова и понимают, что безумно любят друг друга. Возможно, они найдут смысл жизни друг в друге. Однако ни один не хочет поступиться своей карьерой. Гейб отправляется на Ближний Восток делать фоторепортажи из горячих точек, а Люси остается в Нью-Йорке. И следующие тринадцать лет – это путь мечты, желаний, ревности, предательства и в конечном счете любви. Неужели судьба свела их вместе, чтобы тут же разлучить? Каждый живет своей жизнью, идет выбранным путем, но любовь навечно поселилась в их сердцах.

Потрясающе романтичный дебютный роман о прочной силе первой любви.

Впервые на русском языке!

Джилл Сантополо

Свет, который мы потеряли

Jill Santopolo

THE LIGHT WE LOST

Copyright © 2017 by Jill Santopolo

All rights reserved

This edition published by arrangement with G. P. Putnam’s Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© В. Яковлева, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

Городу Нью-Йорку посвящается

Пролог

Мы знаем друг друга полжизни.

Я видела на твоем лице улыбку, уверенность в себе, видела, как оно ослепительно сияет от счастья.

Я видела тебя сломленным, раненым, потерянным.

Но таким, как сейчас, вижу впервые.

Ты учил меня во всем видеть красоту. В кромешном мраке, на краю гибели ты всегда умел находить хотя бы крохотный лучик света.

Не знаю, какую красоту я найду здесь, какой свет. Но я постараюсь. Сделаю это ради тебя. Потому что знаю: ты бы тоже сделал это ради меня.

В нашей совместной жизни красоты было очень много.

Может быть, с этого и стоит начать.

Глава 1

Порой мне кажется, что предметы – это живые свидетели истории. Когда-то мне представлялось, что деревянный стол, вокруг которого мы сидели на шекспировском семинаре Крамера на последнем курсе, – ровесник самой Колумбии[1 - Имеется в виду Колумбийский университет. – Здесь и далее примеч. перев.], что он стоял в этой аудитории с 1754 года и за несколько веков до блеска истерся по краям локтями студентов – таких же, как мы. Хотя, конечно, вряд ли подобное возможно. Но что поделаешь, так мне казалось. Студенты сидели здесь и во время Войны за независимость, и во время Гражданской войны, и когда бушевали обе мировые войны, и война в Корее, и во Вьетнаме, и в Персидском заливе.

Странно, спроси ты, кто еще был в тот день с нами, не думаю, что я бы ответила. Когда-то я отчетливо видела все эти лица перед собой, как живые, но прошло тринадцать лет, и я помню только тебя и профессора Крамера. Не могу даже вспомнить, как звали Т. А., которая опоздала и вбежала в аудиторию уже после звонка. И гораздо позже, чем ты.

Крамер как раз закончил перекличку, а ты с шумом распахнул дверь. Ты улыбнулся мне, сорвал с головы кепку, разрисованную ромбиками, – на мгновение я увидела ямочки на твоих щеках – и сунул ее в задний карман. Глаза твои быстро отыскали свободное место, и ты опустился рядом со мной.

– Как ваше имя? – спросил Крамер, когда ты полез в рюкзак за тетрадкой и ручкой.

– Гейб, – ответил ты. – Габриель Сэмсон.

Крамер заглянул в лежащий перед ним список:

– Давайте сразу договоримся, мистер Сэмсон, до конца семестра – без опозданий. Занятия начинаются ровно в девять. Но лучше приходить немного раньше.

Ты кивнул, а Крамер принялся рассуждать о характерных особенностях трагедии «Юлий Цезарь»:

– «В делах людей прилив есть и отлив / С приливом достигаем мы успеха. / Когда ж отлив наступит, лодка жизни / По отмелям несчастий волочится. Сейчас еще с приливом мы плывем. / Воспользоваться мы должны теченьем / Иль потеряем груз»[2 - Перевод М. Зенкевича.]. Думаю, все вы читали это. Кто ответит, что хотел сказать Брут о роке и свободной воле?

Я на всю жизнь запомнила этот отрывок, потому что не раз с того дня размышляла: случайно мы с тобой встретились на шекспировском семинаре Крамера или это нам уготовила судьба? Благодаря року или нашему свободному выбору мы с тобой были связаны все эти годы? А может, здесь сплелось и то и другое с подачи случайного стечения обстоятельств.

Когда Крамер замолчал, студенты зашелестели страницами лежащих перед ними книжек. А ты поправил пальцами шевелюру – правда, непокорные пряди тут же взлохматились снова.

– Ну, в общем-то… – бодро проговорил ты.

Все остальные последовали моему примеру и уставились на тебя.

Но до конца фразы ты так и не добрался.

В аудиторию ворвалась Т. А., имени которой я не помню.

– Простите за опоздание! – прокричала она. – В одну из башен-близнецов врезался самолет! По телику показывали, я как раз уходила из дому.

Никто не понял всей серьезности сказанного. Кажется, она сама тоже.

– Летчики перепились, что ли? – спросил Крамер.

– Не знаю, – ответила Т. А., усаживаясь за стол. – Я ждала, что там скажут, но, похоже, дикторы сами не понимают, в чем дело. Они говорили, что самолет этот… ну типа винтовой.

Случись это сейчас, новость давно бы взорвала мобильники. Они детонировали бы от потока сообщений из «Твиттера» и «Фейсбука», от новостей из «Нью-Йорк таймс». Но в то время информация разлеталась еще не столь быстро, и ничто не могло прервать нашей беседы о Шекспире. Крамер продолжил рассуждения о «Цезаре», и мы тут же забыли о новости. Конспектируя, я краем глаза следила за пальцами твоей правой руки: ты бессознательно потирал ими деревянную крышку стола. А я машинально рисовала твой большой палец с зазубренным ногтем и заусенцем. У меня где-то до сих пор валяется эта тетрадка, скорее всего в ящике с конспектами по философии и прочей гуманитарной чепухи. Наверняка она там.

Глава 2

Никогда не забуду, о чем мы говорили, когда вышли из здания философского факультета. Да, болтали о пустяках, но разговор прочно засел в памяти, как и весь этот день. Мы с тобой спускались по лестнице. Не вместе, но почти рядом. Воздух был чист, небо синее, однако все в мире переменилось. Просто мы еще не знали об этом.

А со всех сторон уже восклицали:

– Башни-близнецы рухнули!

– Занятия отменили!

– Я хочу сдать кровь. Знаешь, где сдают кровь?

Я обернулась к тебе:

– Что происходит?

– Я живу в Восточном кампусе, – сказал ты, махнув рукой в сторону общежития. – Пошли все узнаем. Тебя ведь зовут Люси, верно? А ты где живешь?

– В Хогане, – отозвалась я. – Люси, да.

– Рад познакомиться, Люси. А меня – Габриель.

Ты протянул руку. Посреди суматохи я пожала ее и снизу вверх заглянула тебе в лицо. На твоих щеках снова появились ямочки. Голубые глаза сияли. Тогда я в первый раз и подумала: «Как он прекрасен!»

Потом мы оказались в твоей комнате и вместе с твоими товарищами – Адамом, Скоттом и Джастином – стали смотреть телевизор. На экране люди бросались вниз из окон зданий, от почерневшей груды обломков к небу поднимался дым, и башни рушились одна за другой. Масштаб разрушений ошеломил нас. Мы, не отрываясь, смотрели на картинки, мелькающие на экране, и не могли понять: неужели все это происходит на самом деле? В голове не укладывалось, что подобное случилось в нашем городе, всего в каких-нибудь семи милях от нас, что гибнут люди… В моей голове – уж точно. Казалось, я смотрю фантастический фильм.

Мобильники не работали. Ты позвонил по общему телефону в Аризону маме и сказал, что с тобой все в порядке. Я тоже позвонила родителям в Коннектикут, и они потребовали, чтобы я немедленно ехала домой. Дочь их знакомых работала во Всемирном торговом центре, и от нее до сих пор не было известий. И у других знакомых близкий родственник собирался на деловой завтрак в ресторане «Окна мира»[3 - До 11 сентября 2001 г. располагался на 106-м и 107-м этажах в Северной башне Всемирного торгового центра.].

– Чем дальше от Манхэттена, тем безопасней, – сказал отец. – А что, если там сибирская язва? Или еще какое биологическое оружие? Нервнопаралитический газ какой-нибудь.

Я ответила, что метро не работает. И, скорее всего, поезда тоже не ходят.

– Я за тобой приеду. Сейчас же сяду в машину и приеду.

– Да что со мной может случиться? У меня тут полно друзей. И у нас все тихо-спокойно. Я буду звонить.

Происходящее все еще казалось сном.

– А знаешь, – начал Скотт, когда я повесила трубку, – я бы на месте этих террористов сбросил на нас бомбу.

– Чокнулся? – спросил Адам.

Он ждал звонка от своего дяди, который работал в Полицейском управлении Нью-Йорка.

– Ну, если подходить к вопросу с научной точки зрения… – продолжил Скотт, но так и не закончил.

– Заткнись! – перебил его Джастин. – Я серьезно, Скотт. Нашел время философствовать.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я, ведь я тебя еще почти не знала, а твоих друзей и подавно. – Девчонки из комнаты, наверное, уже волнуются, куда я пропала.

– А ты им позвони, – предложил ты, снова передавая мне телефон. – Скажи, что сейчас полезешь на крышу Венской общаги. Скажи, пусть приходят, если хотят.

– Куда-куда полезу?

– Со мной, не бойся.

Ты рассеянно провел пальцами по моей косичке. Движение получилось столь интимное… Так бывает, когда между двумя людьми исчезают все преграды и можно без спроса сунуть вилку в чужую тарелку. И я вдруг почувствовала, что мы с тобой крепко связаны, словно рука твоя на моей косе значит нечто большее, чем просто пять праздных, нервных пальцев.

Эту минуту я вспоминала и через много лет, когда решилась пожертвовать своими волосами и парикмахерша торжественно вручила мне уложенную в пластиковый пакет каштановую косу, которая казалась еще темнее, чем обычно. Ты был далеко, но у меня возникло чувство, будто я предала тебя, будто перерезала связующую нас с тобой нить. Но тогда, в тот день, прикоснувшись к моим волосам, ты и сам понял смысл своего жеста, и рука твоя опустилась на колено. Ты снова улыбнулся, но на этот раз глаза твои были серьезными.

– Хорошо, – пожала я плечами.

Мне казалось, что мир трещит по швам, что мы шагнули в расколотое зеркало, а за ним рухнули все стены, раскололись на куски, и ничего невозможно понять, ничто не имеет смысла, и мы совершенно беззащитны. И незачем говорить «нет».

Глава 3

Мы зашли в лифт и поехали на одиннадцатый этаж, а там, в конце коридора, ты распахнул окно.

– Один чувак на втором курсе показал мне это местечко, – сказал ты. – Потрясающий вид на Нью-Йорк, такого нигде не увидишь.

Через окно мы выбрались на крышу, и у меня перехватило дыхание. Над южной оконечностью Манхэттена поднимались густые клубы дыма. Все небо обволакивала серая пелена, город был засыпан пеплом.

– Господи, – проговорила я.

Глаза застилали слезы. Я представила себе, что еще совсем недавно там творилось. На месте высоких башен зияла пустота. Меня как током ударило.

– Там же были люди…

Ты взял меня за руку.

Мы стояли, во все глаза смотрели на последствия катастрофы, и по нашим щекам стекали слезы; как долго это продолжалось, не знаю. На крыше с нами, наверное, были и другие люди, но я не могу вспомнить, кто именно. Помню только тебя. И еще дым. Он словно прожигал меня насквозь.

– И что же теперь? – наконец прошептала я, понимая всю грандиозность катастрофы. – Что будет дальше?

Ты посмотрел на меня, и наши глаза, все еще мокрые от слез, не могли оторваться друг от друга, они словно притягивались некоей магнетической силой. В такие минуты напрочь забываешь обо всем, что тебя окружает. Твоя рука обняла мою талию, я приподнялась на цыпочки и потянулась к твоим раскрытым губам. Мы крепко прижались друг к другу, словно это могло защитить нас от всего, что ждет впереди. Словно другого способа избежать опасности, кроме как впиться губами в губы, не было. В миг, когда ты прижался ко мне всем телом, я сразу ощутила себя в безопасности, окруженной, укутанной объятием твоих сильных и теплых рук. Я чувствовала, как дрожат твои мышцы, пальцы мои утонули в твоей шевелюре. Ты намотал мою косу на руку, легонько потянул, и я слегка запрокинула голову. И тут я совсем позабыла об окружающем мире. В эту минуту для меня существовал только ты.

Многие годы меня не покидало чувство вины. За то, что мы с тобой в первый раз целовались, когда город пылал, за то, что в такую минуту позволила себе раствориться в тебе. Потом я узнала, что не мы одни были такие. Многие мне шептали на ушко, что в тот день занимались любовью. Зачинали ребенка. Совершали помолвку. Признавались в любви. Есть все-таки в смерти нечто пробуждающее в людях острое желание жить. В тот день мы хотели жить, и я никого не виню за это. Никого.

Мы отстранились друг от друга, чтобы перевести дух, и я опустила голову тебе на грудь. Слушала, как ровно бьется твое сердце, и это меня успокаивало.

А тебя успокаивало биение моего сердца? И до сих пор успокаивает?

Глава 4

Мы вернулись в твою комнату – ты обещал меня покормить. Сказал, что, перекусив, хочешь походить по крыше с фотоаппаратом и сделать несколько снимков.

– Пошлешь в «Спектейтор»? – спросила я.

– В газету, что ли? Не-а. Так, для себя.

На кухне меня немного отвлекли от тяжелых мыслей твои фотографии, целая куча – черно-белые снимки разных видов студгородка. Прекрасные снимки, немного странные, они словно светились изнутри. Некоторые были сняты в необычном ракурсе, так что знакомые предметы казались объектами авангардного искусства.

– А на этой что? – спросила я.

Я не сразу поняла, что на фото крупным планом изображено птичье гнездо, выстланное чем-то похожим на обрывки газеты, журнала и сочинения по французской литературе.

– О, ты не поверишь, – ответил он. – Джессика Чо… Ты знаешь ее? Она еще поет у нас в хоре. Подружка Дэвида Блюма. В общем, об этом гнезде мне рассказала она, говорит, у нее из окна видно, что там – чье-то домашнее задание. Я пошел проверить. Чтобы снять как надо, пришлось свеситься из окна. Блюм держал меня за ноги, боялся, что я вывалюсь. Как видишь, все получилось.

Выслушав эту историю, я посмотрела на тебя другими глазами. Ты еще, оказывается, и смелый и ради искусства готов на все. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что ты немножко рисовался. Хотел поразить мое воображение. Но тогда я этого не поняла. Просто подумала: «Вот это да! Какой

потрясающий парень!» Но главное: сколько я тебя знаю, ты всегда и во всем умел находить красоту. Ты способен замечать такие вещи, каких другие в упор не видят. Потому я тобой и восхищалась.

– Ты этим хочешь заниматься в жизни? – спросила я, указывая на фотографии.

Ты покачал головой:

– Нет, это так, забава. У меня мама художница. Видела бы ты ее абстрактные работы… потрясающие, огромные… а на жизнь она зарабатывает холстиками – аризонские закаты для туристов. Создавать ради продажи – нет, такая жизнь не по мне.

Я уперлась локтями в стол и принялась разглядывать остальные фотографии. Ржавчина, покрывающая каменную скамью, потрескавшиеся мраморные прожилки, коррозия на металлической ограде. Я и представить себе не могла, что здесь может таиться красота.

– А твой папа тоже художник? – спросила я.

Лицо твое сразу изменилось, словно дверь захлопнулась, и глаза потемнели.

– Нет, – ответил ты. – Он не художник.

Я будто споткнулась о невидимую веревку. Я хорошо помню это, ведь тогда я открывала для себя неведомый мне ландшафт твоей жизни. Я уже надеялась, что скоро изучу его, как свои пять пальцев, и буду ориентироваться в нем с закрытыми глазами.

Ты замолчал. Я тоже молчала. Громко вещал телевизор, я слышала, как дикторы что-то говорят о Пентагоне и о самолете, разбившемся в Пенсильвании. Ужас ситуации снова обрушился на меня. Я отложила твои фотографии. Разговоры и мысли о красоте показались тогда дикостью. Но, вспоминая прошлое, я думаю, что именно они и были в тот день единственно уместными.

– Ты, кажется, собирался меня покормить? – спросила я, хотя совсем не хотела есть, да и картинки, мелькающие на экране, особого аппетита не вызывали,

скорее наоборот.

Невидимая дверь в твоих глазах снова открылась.

– Точно, – кивнул ты.

Из съедобного у тебя нашлись лишь продукты для начос. Я принялась резать помидоры, ржавым консервным ножом открыла банку с бобами, а ты высыпал чипсы на подносик из жести, который почему-то никто не догадался выбросить, и потер сыр в тарелку с оббитыми краями.

– Ну а ты? – спросил ты с таким видом, будто наш разговор и не прерывался.

– Что – я?

Я в это время боролась с крышкой банки с бобами, пытаясь отодрать ее.

– Ты художница?

Справившись, я положила металлический диск на стол.

– Нет. Самое креативное, что я делаю, – пишу рассказы для девчонок из комнаты.

– И о чем, интересно? – спросил ты, наклонив голову набок.

Я уставилась в пол, не хотелось, чтобы ты увидел, как я покраснела.

– Стыдно рассказывать… про крохотного поросенка по имени Гамильтон, которого случайно приняли в колледж для кроликов.

Ты удивленно рассмеялся:

– Гамильтон, говоришь. Поросенок. Понимаю. Очень смешно.

– Спасибо, – поблагодарила я и снова заглянула тебе в глаза.

– Будешь продолжать, когда получишь диплом?

Ты пытался открыть банку с сальсой, подцепив крышку за край столешницы.

Я покачала головой:

– Вряд ли кто-то захочет читать истории про поросенка по имени Гамильтон. Думаю заняться рекламным делом, но пока говорить об этом рано. И глупо.

– Почему глупо? – спросил ты, и крышка с хлопком соскочила.

Я посмотрела на телевизор:

– А какой смысл? Реклама… Представь, что тебе осталось жить один день, всю жизнь ты занимался тем, что втюхивал… нарезанный сыр или там… чипсы… У тебя не возникло бы чувство, что жизнь прошла даром?

Ты закусил губу. По глазам было видно, что ты размышляешь над моими словами. Так я еще кое-что узнала о твоем внутреннем мире. А ты, возможно, о моем… совсем немножко.

– А как сделать, чтобы такого чувства не возникло?

– Как раз это я и пытаюсь понять, – задумчиво проговорила я. – Думаю, нужно оставить свою отметину в мире – в хорошем смысле, конечно. Оставить мир после себя немножечко лучше, чем он был до тебя.

Я все еще верю в это, Гейб. Всю жизнь я старалась двигаться в этом направлении. Думаю, и ты тоже.

И вдруг я увидела, как лицо твое… расцветает, что ли. «Что бы это значило?» – думала я. Я еще не достаточно тебя изучила. Теперь-то я знаю, о чем говорит этот взгляд. Он означает, что у тебя в голове меняется ракурс.

Ты окунул ломтик картофеля в соус и протянул его мне:

– Кусай.

Я откусила ровно половину, а вторую ты сунул себе в рот. Взгляд твой задумчиво скользил по моему лицу, затем медленно опустился вниз, исследуя изгибы моего тела. Я чувствовала, как ты исследуешь меня под разными углами, пытаясь найти и оценить мои достоинства. Потом провел кончиками пальцев по моей щеке, и мы снова поцеловались. На этот раз губы твои были соленые и перченые на вкус.

Когда мне было пять или шесть лет, я любила рисовать на стенке своей комнаты красным карандашом. Вряд ли я рассказывала тебе об этом. Так вот, рисуя сердечки и деревья, солнце, луну и облака, я понимала, что делаю что-то нехорошее. Чувство это возникало где-то в глубине души. Но я не могла заставить себя прекратить, уж очень хотелось разрисовывать стены. Комната была раскрашена в розовый и желтый, но мой любимый цвет – красный. И мне хотелось, чтобы и моя комната стала красной. Мне нужно было, чтобы комната стала красной! У меня возникло чувство, будто, раскрашивая стену, я делаю все абсолютно правильно, но в то же самое время поступаю очень дурно.

Такое же чувство не покидало меня и в день, когда я познакомилась с тобой. Мы целовались на фоне трагедии и погибших людей, и мне казалось, что мы абсолютно правы, но в то же самое время поступаем очень дурно. Но я больше сосредоточивалась на ощущении своей правоты, я всегда так делаю.

Я просунула руку в задний карман твоих джинсов, а ты – в задний карман моих. Мы прижались друг к другу еще крепче. В комнате трезвонил телефон, но ты не обращал внимания. Потом затрещал телефон в комнате Скотта.

Через несколько секунд на кухню явился Скотт. Прокашлялся. Мы отпрянули друг от друга и повернулись к нему.

– Послушай, Гейб, – сказал он, – тебя Стефани уже обыскалась. Я попросил ее не вешать трубку.

– Кто такая Стефани? – спросила я.

– Никто, – ответил ты.

– Его бывшая, – сообщил Скотт. – Она плачет, старик.

С расстроенным лицом ты смотрел то на меня, то на Скотта.

– Скажи, я перезвоню через пару минут.

Скотт кивнул и вышел, а ты схватил меня за руку, сплетя пальцы с моими. Наши взгляды встретились, как на крыше, когда я не смогла отвести глаз. Сердце колотилось словно бешеное.

– Люси, – произнес ты, и в звуке моего имени трепетало желание. – Я понимаю, ты сейчас здесь, и все это выглядит очень странно, но я должен убедиться, что с ней все в порядке. Весь прошлый учебный год мы с ней были вместе и разбежались только месяц назад. Этот день…

– Я понимаю, – перебила я.

Как бы дико это ни звучало, в ту минуту ты мне нравился еще сильнее: со Стефани больше не встречаешься, а – надо же! – заботишься о ней.

– Да мне все равно давно пора к себе, девчонки волнуются, – сказала я, хотя мне очень не хотелось уходить. – Спасибо тебе за… – Начать-то я фразу начала, да вот закончить не знала как, а потому она повисла в воздухе.

Ты сжал мои пальцы:

– А тебе спасибо за то, что превратила этот день в нечто большее. Люси. Ты знаешь, что «люс» по-испански – «свет»? – Ты ждал ответа, и я кивнула. – В общем, спасибо тебе за то, что наполнила светом этот мрачный день.

В слова ты вкладывал чувство, которое я выразить не смогла.

– Ты сделал то же самое для меня, – ответила я. – Спасибо тебе.

Мы снова поцеловались. Как все-таки нелегко было мне оторваться от тебя. Как нелегко было уходить.

– Я тебе позвоню, – сказал ты. – Найду твой номер в телефонной книге и позвоню. Прости, что не успел покормить.

– Береги себя, – сказала я. – В другой раз поедим начос.

– Мысль неплохая, – отозвался ты.

И я ушла, размышляя: бывает ли так, чтобы один из самых страшных дней в жизни содержал крупицу счастья?

Ты действительно позвонил через несколько часов, но разговор пошел совсем не так, как я ожидала. Ты сказал, что тебе очень жаль – очень, очень, – но вы со Стефани снова будете вместе. Пропал без вести ее старший брат, он работал во Всемирном торговом центре, и теперь ей без тебя никак. Ты надеялся, что я все пойму, и снова поблагодарил за то, что осветила столь страшный день. Сказал, что время, проведенное со мной, очень много значит для тебя. И еще раз извинился.

Не стоило так переживать, но я была раздавлена. Весь первый семестр я с тобой не разговаривала. Да и второй, весенний, тоже. На семинарах Крамера пересела на другое место, лишь бы не сидеть рядом с тобой. Но всякий раз, когда ты выступал, когда рассуждал о красоте языка и образов Шекспира даже в самых ужасных сценах, я слушала внимательно.

– «Увы! – декламировал ты, – Ручей горячей алой крови, / Как водомет под ветром, то встает, / То падает меж уст окровавленных / Вслед за дыханьем сладостным твоим»[4 - Перевод А. Курошевой.].

А я только и думала о твоем дыхании, о твоих «устах», о том, как сладостно было мне прижиматься к ним своими.

Я пыталась вычеркнуть из памяти тот день, но это было невозможно. Как можно забыть о случившемся с Нью-Йорком, с Америкой, с людьми в башнях? И как

можно было забыть о случившемся между нами? Даже сейчас, когда меня спрашивают: «Ты была в Нью-Йорке, когда рухнули башни?», или: «Где ты была в тот день?», или: «Как все происходило?» – первое, что приходит мне в голову, – это ты.

Бывают такие мгновения, которые меняют траекторию человеческой жизни. Для многих из нас, для тех, кто жил тогда в Нью-Йорке, одиннадцатого сентября настал как раз такой момент. Все, что я делала в тот день, останется для меня чрезвычайно важным, врежется в память, клеймом отпечатается в сердце. Не знаю, почему я встретила тебя в день катастрофы, но точно знаю: именно поэтому ты навсегда станешь частью моей судьбы.

Глава 5

Стоял май, мы только что закончили учебу в университете. Сдали свои головные уборы и мантии, обменяв их на дипломы, заполненные на латыни и украшенные нашими именами – и личным, и вторым, и фамилией. В окружении семьи – матери, отца, моего брата Джейсона, бабушек и дедушек, и дяди в придачу – я прошла в «Ле Монд». Нас усадили рядом с другим семейством, не столь многочисленным, как наше, а именно – с твоим семейством. Ты поднял голову, увидел, как мы рассаживаемся, протянул руку и коснулся моей руки.

– Люси, поздравляю! – воскликнул ты.

Я задрожала. Все эти месяцы, стоило мне представить, как твоя рука касается моей, меня бросало в дрожь. Но я все-таки ухитрилась ответить:

– И я тебя.

– Что собираешься делать? Остаешься в городе?

Я кивнула:

– Устроилась на работу в новую телекомпанию, буду разрабатывать детские программы и передачи.

Я не удержалась и усмехнулась. Целых два месяца я молилась кому только можно, чтобы заполучить это место. Именно о такой работе я мечтала с того самого времени, как рухнули башни-близнецы, после того, как поняла, что хочу нечто большее, чем работу в рекламе. Я хотела, чтобы результаты моего труда перешли к грядущему поколению и повлияли на будущее наших детей.

– Детские передачи? – переспросил ты, и улыбка заиграла на твоих губах. – Типа «Элвин и бурундуки», да? Где такие дурацкие голоса?

– Не совсем, – засмеялась я; мне очень хотелось признаться, что именно наш с тобой разговор привел меня к этой мысли, что время, проведенное с тобой на кухне, очень много значило для меня в жизни. – Ну а ты куда?

– В «Маккинси». Консалтинг. Бурундучки не для меня.

Я очень удивилась. Такого я не ожидала. И это после нашего тогдашнего разговора, после того, как я слушала твой анализ произведений Шекспира на семинарах Крамера. Но я только сказала:

– Здорово! Поздравляю с работой. Может, как-нибудь пересечемся в городе.

– Было бы неплохо, – ответил ты.

И я вернулась за стол к своим.

– Кто это? – донесся голос.

Я подняла голову. Рядом с тобой сидела девушка, волосы цвета спелой пшеницы спускались чуть ли не до попы; рука лежала у тебя на колене. Едва ли она заметила, что я гляжу на тебя во все глаза.

– Просто знакомая девушка, Стефани, мы с ней ходили на один семинар, – услышала я.

Что ж, ты не соврал. Но все равно ответ меня больно ужалил.

Глава 6

Нью-Йорк – странный город. Можно провести в нем много лет и ни разу не столкнуться с соседом по квартире, а потом вдруг наткнуться на лучшего друга, заскакивая в вагон метро по дороге на работу. Рок против свободной воли. Хотя, кто его знает, может, и то и другое.

Стоял март, прошел почти год после нашего выпуска, и Нью-Йорк поглотил нас. Я жила вместе с Кейт в Верхнем Ист-Сайде в огромной квартире, которая когда-то принадлежала ее дедушке с бабушкой. Об этом мы мечтали еще с тех пор, как учились в школе. И – надо же – детские мечты стали реальностью.

У меня за спиной остался мимолетный полугодовой роман с коллегой по работе, парочка случайных связей на одну ночь да несколько свиданий с мужчинами, которые не показались мне ни достаточно умными, ни достаточно привлекательными или интересными, хотя, оглядываясь в прошлое, могу сказать, что все они были вполне нормальными мужиками. И если честно, познакомься я тогда с Дарреном, и о нем судила бы точно так же.

Когда мне ничто не напоминало о прошлом – о занятиях на факультете, об общежитии в Восточном кампусе, – я вообще не вспоминала о тебе, разве что иногда. Мы не виделись около года. Но однажды – мы с боссом просматривали раскадровку и еще раз обсуждали отдельные серии передачи, посвященные проблемам выражения одобрения и уважения, – я вспомнила о тебе. Вспомнила твою кухню, и мне стало хорошо на душе: я поняла, что приняла правильное решение.

Приближался четверг двадцатого марта, мне должно было исполниться двадцать три года. Я планировала устроить вечеринку на выходных, но мои самые близкие подруги и коллеги, Алексис из сценарного отдела и Джулия из художественного – ты их так и называл потом, – уговорили меня выбраться куда-нибудь и выпить именно в день рождения.

В ту зиму мы все трое повадились ходить в ресторан «Лица и имена» – он нам до безумия нравился камином и диванчиками. Температура тогда зависла на отметке около сорока, и мы надеялись, что нам включат камин, если очень попросим. Последние несколько месяцев мы часто туда захаживали, и бармен нас любил.

В честь дня рождения Джулия соорудила мне корону из бумаги и чуть ли не насильно заставила надеть, а Алексис заказала яблочный мартини на всех. Мы уселись на диванчик напротив камина и перед тем, как отпить, состязались в придумывании тостов.

– За дни рождения! – начала Алексис.

– За Люси! – продолжила Джулия.

– За дружбу! – добавила я.

Дальше – больше.

– За ксерокс, работавший сегодня без единого замятия!

– За начальников, которые умеют вовремя заболеть!

– За халявные обеды после дурацких собраний!

– За бары с каминами!

– За яблочный мартини!

В эту минуту к нам подошла официантка с подносом, на котором стояло три полных бокала с мартини.

– Но мы этого не заказывали, – сказала Джулия.

Официантка улыбнулась.

– У вас, девочки, появился тайный обожатель, – кивнула она в сторону барной стойки.

А там сидел ты.

На мгновение мне показалось, что у меня галлюцинация.

Ты небрежно помахал нам рукой.

– Он попросил поздравить Люси с днем рождения.

У Алексис челюсть отвисла.

– Ты его знаешь? Аппетитный красавчик!

Она взяла бокал со свежим мартини – официантка уже успела расставить напитки перед нами.

– За клевых парней в барах, которые знают, как тебя зовут, и посылают халявное мартини! – А когда мы отпили, добавила: – Чего сидишь? Иди поблагодари его, именинница!

Я поставила бокал, но потом передумала и, слегка покачиваясь на высоких каблуках, направилась к тебе, прихватив мартини с собой.

– Спасибо, – сказала я, забравшись на табурет слева.

– С днем рождения. Миленькая корона.

Я засмеялась и сняла ее:

– На твоей макушке, пожалуй, смотрелась бы лучше. Хочешь примерить?

Ты не отказался, водрузил «символ власти», примяв кудри бумагой.

– Потрясно! – сказала я.

Ты улыбнулся, снял корону и поставил на стойку:

– Я тебя едва узнал. Прическа совсем другая.

– Подстриглась. – Я поправила волосы сзади.

Ты смотрел на меня пристально, как когда-то у себя на кухне, разглядывая под разными углами.

– Стриженая или нет, все равно красавица.

Слова ты произносил не совсем отчетливо, и я догадалась, что ты еще пьянее меня. Интересно, пришла мне в голову мысль, почему ты здесь один, в четверг, в семь часов вечера и пьяный?

– Как поживаешь? – спросила я. – Все в порядке?

Ты поставил локоть на стойку и подпер щеку ладонью:

– Сам не знаю. Мы со Стефани снова разбежались. Работу я ненавижу. И Соединенные Штаты вторглись в Ирак. Всякий раз, как я вижу тебя, мир распадается на части.

Я не знала, что отвечать, как реагировать на новость про Стефани или на утверждение, что мир распадается на части. Пришлось молча глотнуть мартини.

А ты между тем продолжил:

– Может, на небесах догадались, что мне позарез нужно отыскать тебя сегодня. Ты для меня как… Пегас.

– Крылатая лошадь из «Илиады», что ли? Жеребец с крыльями?

– Ну нет, – сказал ты. – Ты уж точно не жеребец. – (Я улыбнулась.) – Но без Пегаса Беллерофонт ни за что бы не справился с Химерой, – продолжал рассуждать ты. – Пегас очень ему помог. Беллерофонт летал на нем где хотел,

несмотря на боль, несмотря на раны. И стал великим героем.

Я этот миф понимала несколько иначе. Для меня это была история, в которой говорится о важности совместной работы с товарищами, о сотрудничестве и партнерстве. Мне всегда нравился эпизод, где Пегас позволил Беллерофонту сесть на него верхом. Но я поняла, что твоя трактовка важна для тебя.

– Надеюсь, это комплимент, так что спасибо. Хотя я бы предпочла, чтобы меня сравнивали с Афиной. Или с Герой. Даже с горгоной Медузой.

Уголки твоих губ вздернулись.

– Не-ет, только не с горгоной Медузой. Не вижу у тебя на голове змей.

Я тронула свою прическу:

– Ты не видел, как я выгляжу по утрам.

Ты посмотрел на меня с таким видом, будто тебе очень захотелось увидеть меня утром.

– Не помню, говорил я тебе, что мне очень жаль? Ну, что так все получилось. Между нами. То есть мне, конечно, не жаль, что я поцеловал тебя тогда. Но, – ты пожал плечами, – мне очень жаль, что так случилось потом. Понимаешь, я хотел сделать как должно. Со Стефани. Жизнь – она…

– Сложная штука, – закончила я за тебя. – Все нормально. Это было тыщу лет назад. И ты просил у меня прощения. Даже два раза.

– Я все еще думаю о тебе, Люси, – сказал ты, глядя в стакан, где уже не осталось ни капли виски.

Интересно, сколько ты выпил?

– Все думаю о той развилке, помнишь? «В осеннем лесу, на развилке дорог…», о том, что бы было, если бы мы… Мы с тобой, как две дороги, которые разошлись в разные стороны.

Сейчас я бы рассмеялась, назови ты нас дорогами, но тогда это прозвучало очень романтично – ты процитировал Роберта Фроста.

Я оглянулась, посмотрела на Алексис и Джулию. Попивая мартини, они наблюдали за нами. «Все нормально?» – одними губами спросила Джулия. Я кивнула. Она постучала пальцем по часикам и вопросительно пожала плечом. Я тоже пожала – двумя. Она кивнула.

Я повернулась к тебе. Великолепный, нежный. Хочет меня. А что, не подарок ли это на день рождения? Кто-то на небесах постарался.

– А если говорить о дорогах, – сказала я, – порой бывает, что снова попадаешь на ту же развилку. Получаешь новую возможность зашагать в одну сторону.

Господи, какие мы были глупые! Молодые и глупые. Даже слишком.

Ты посмотрел на меня в упор, твои синие глаза были мутноваты, но все равно притягательны.

– Я хочу поцеловать тебя, – сказал ты и потянулся ко мне.

И поцеловал. А у меня снова возникло чувство, будто сбылось мое пожелание на день рождения.

– Пойдем сегодня со мной… ко мне, а, Люси? – спросил ты, убирая выбившуюся прядь мне за ухо. – Так не хочется возвращаться домой одному.

Я видела в твоих глазах печаль – печаль одиночества. И мне хотелось это хоть как-то исправить, хотелось стать для тебя целебной мазью, лекарством, волшебным бальзамом. Мне всегда хотелось сделать твою жизнь легче. До сих пор делаю. В этом моя ахиллесова пята. Или, скажем, зернышко граната. Как и Персефону, оно всегда заставляло меня уступать.

Я взяла тебя за руку, поднесла твои пальцы к губам и поцеловала:

– Да, пойду.

Глава 7

Потом мы лежали на твоей кровати, комнату освещали лишь огни города, проникающие сквозь щели в занавесках. Ты лежал с краю, обнимал меня, положив ладонь на мой голый живот. Мы оба устали, мы вполне удовлетворили друг друга, мы все еще были немного пьяны.

– Хочу бросить эту работу, – прошептал ты, словно в темноте говорить вслух было небезопасно.

– Бросай, – тоже шепотом сонно отозвалась я. – Кто тебе мешает.

Большим пальцем ты потер мою грудь снизу.

– Хочу заниматься чем-то, что имело бы смысл, – продолжал ты, горячо дыша мне в затылок. – Помнишь, как ты говорила?

– Угу, – отозвалась я, засыпая.

– Но я тогда не понимал этого.

– Не понимал чего? – пробормотала я.

– Дело не только в том, чтобы уметь видеть красоту, – сказал ты; слова твои никак не давали мне уснуть. – Мне хочется снимать все: и счастье, и печаль, и радость, и смерть. Мне хочется снимками рассказывать людям о жизни. Ведь ты меня понимаешь, правда, Люси? Вот Стефани не понимала. Но ты была там со мной. Ты знаешь, как это меняет взгляд на мир.

Я повернулась к тебе лицом и мягко поцеловала.

– Конечно понимаю, – шепотом отозвалась я и провалилась в сон.

Но на самом деле я не очень-то поняла, что ты имел в виду, и не знала, как далеко это затащит тебя. Что это в конце концов приведет тебя сюда, к этому мгновению. Я была пьяна, я очень устала, я была наконец с тобой, в твоих объятиях – именно так я не раз себе это представляла. В ту минуту я согласилась бы с тобой, о чем бы ты ни спросил.

Глава 8

Ты, конечно, бросил работу и пошел на курсы фотографии. Мы продолжали встречаться, и чем больше времени проводили вместе, находя друг в друге утешение, обретая надежду, черпая энергию в объятиях, тем крепче становилась наша, так сказать, физическая связь. Мы раздевались даже в туалетах ресторанов – не было сил ждать, когда доберемся до дому. А на улицах порой, когда наши губы впивались друг в друга и выпирающие кирпичи вонзались нам в спину, мы готовы были раздавить друг друга о стены домов. Мы устраивали пикники в парке, набрав с собой бутылок из-под яблочного сока, наполненных белым вином, и валялись на земле, вдыхая аромат влажной земли, свежескошенной травы и запах друг друга.

– Расскажи про своего отца, – попросила я однажды, через несколько месяцев после того, как у нас началось все заново и мы словно скользили по краю тектонического разлома, шагнув с открытыми глазами на край обрыва и рискуя свернуть себе шею.

– Да рассказывать особо нечего, – отозвался ты и подвинулся, чтобы моя голова умостилась на твоей груди. Твой голос оставался все таким же беззаботно-веселым, но я почувствовала, как напряглись твои мышцы. – Козел он был, – добавил ты.

– Почему козел?

Я повернулась, обняла тебя за талию и прижалась к тебе еще крепче. У меня иногда возникало чувство, что мы с тобой хотя и близки, но все-таки недостаточно. Хотелось залезть тебе внутрь, забраться в твой мозг, чтобы узнать о тебе все, что можно.

– Папаша мой был… непредсказуемый, – медленно проговорил ты, словно выбирал это слово с наиболее возможной тщательностью. – Однажды… я уже был достаточно большой… мне даже пришлось защищать маму.

Я подняла голову и заглянула тебе в лицо. Не знала, что сказать, как далеко можно заходить в своих вопросах. Хотелось узнать, что значит «достаточно большой». Четыре года? Или десять? Или тринадцать?

– О, Гейб… – Это единственное, на что я решилась.

Жаль, конечно.

– Они с мамой познакомились в художественной школе. Она говорила, что он был великолепным скульптором, но я не видел ни одной его работы. – Ты с усилием сглотнул. – Как только родился я, он все работы расколотил вдребезги, все до единой. Он хотел проектировать монументы, огромные инсталляции. Но у него совсем не было заказов. И работы его никто не покупал. – Ты повернулся и посмотрел на меня. – Конечно, ему было трудно, я понимаю. Но не могу себе представить… – Ты покачал головой. – Он все бросил. Пытался открыть галерею. Но бизнесмен из него никакой. Как и торговец. Всю дорогу ходил злой как черт. То за одно схватится, то за другое. А я… я не понимал, что все это оттого, что он бросил заниматься искусством. Так сильно это на него подействовало. Однажды он искромсал ножом мамин холст… Эту картину она писала несколько месяцев… Только потому, что, как он заявил, нужно не тратить время на мазню, а писать пейзажи с закатами. Она плакала так, словно он порезал ее, а не картину. А потом он ушел от нас.

Я сжала твою руку:

– Сколько тебе было лет?

– Девять, – проговорил ты тихо. – Я вызвал полицию.

Мое детство было совсем другим, мы жили идиллической жизнью в пригороде Коннектикута. Я опять не знала, что говорить и что делать. Случись этот разговор сейчас, я бы гораздо ближе к сердцу приняла эту боль, и твою, и твоего отца. Сказала бы, что твоему отцу было очень трудно, что ему пришлось биться с демонами и мне очень жаль, что его демоны теперь перекинулись на тебя.

Потому что это ведь так, разве нет? Бо?льшая часть твоей жизни была ответом на жизнь отца, ты изо всех сил пытался не стать таким, как он, и в конце концов тебе пришлось биться и с его демонами, и со своими.

Но в тот день я не могла как следует осмыслить твои слова, мне лишь хотелось утешить тебя.

– Ты все сделал правильно, – глубоко вдохнув, сказала я.

– Знаю, – отозвался ты, и в глазах твоих появилась жесткость. – Никогда не стану таким, как он. Никогда не причиню тебе такой боли. Твои мечты никогда не станут для меня никому не нужными пустяками.

– И твои, Гейб, никогда не станут для меня пустяками.

Я снова опустила голову тебе на грудь, поцеловала ее сквозь футболку, пытаясь выразить поцелуем всю глубину своего восхищения и сочувствия.

– Я это знаю. – Ты погладил меня по голове. – И обожаю тебя за это. Но и за многое другое, конечно. – (Я села, чтобы снова видеть тебя.) – Я люблю тебя, Люси.

Эти слова ты произнес впервые. Никто до тебя не говорил мне этих слов.

– Я тоже люблю тебя.

Надеюсь, ты помнишь этот день. Я его никогда не забуду.

Глава 9

Через несколько недель после того, как мы объяснились в любви, нам представился случай остаться вдвоем в квартире Кейт. И в честь этого мы расхаживали в одном белье. Стояла страшная жара, июль выдался душный, мне хотелось на целый день залезть в прохладный бассейн, и хотя кондиционер

работал на полную мощность, легче не становилось. Квартира была такая большая, что один кондиционер не справлялся.

– Да, предки твоей Кейт были настоящие гении в сфере недвижимости, – сказал ты, когда полуголые мы сидели за столом и чистили вареные яйца. – Когда они купили эту квартирку?

– Понятия не имею, – ответила я, засовывая кусочки хлеба в тостер. – Еще до того, как родился ее отец. Значит… где-то в сороковые, наверное.

Ты присвистнул.

Я знаю, мы не часто бывали там одни, но держу пари, ты помнишь эту квартиру. Ее трудно забыть. Две огромные спальни и две ванные комнаты, а читали и занимались мы на кухне. Потолки около четырех метров. Тогда я все эти мелочи не очень-то замечала, но квартиру ценила очень высоко. Кейт училась на юридическом, и ее папаша заявил, что жить дома дешевле, чем платить за жилплощадь университету. Да и для меня это был неплохой вариант.

– Когда мы учились в школе, здесь жила ее бабушка, и мы приходили к ней в гости. – (Мы сидели с тобой на диване с тарелками на голых коленях.) – До болезни она работала ассистентом в Метрополитен-музее. В свое время она изучала историю искусств в колледже Смит… В то время многие женщины и не мечтали о высшем образовании.

– Хотел бы я с ней познакомиться, – сказал ты, отпивая кофе.

– Она бы тебе очень понравилась.

Сидя бедро к бедру, мы принялись молча жевать; мое плечо упиралось в твою руку. Мы представить себе не могли, как это – находиться в одной комнате и не прикасаться друг к другу.

– Когда возвращается Кейт? – спросил ты, проглотив еду.

Я пожала плечами. С Томом она познакомилась с месяц назад и нынче, кажется, уже второй раз оставалась у него.

– Боюсь, скоро придется одеваться.

Вдруг я почувствовала, что ты разглядываешь мою грудь.

А ты, покончив с завтраком, отложил тарелку.

– Не представляешь, Люси, что ты со мной делаешь, – сказал ты, внимательно наблюдая, как я кладу вилку на тарелку. – Целое утро ты со мной – и голая. Исполнилась мечта идиота.

Рука твоя блуждала по колену, потом ты стал щупать себя самого через ткань трусов… Я еще ни разу не видела, как ты трогаешь себя, как ты это делаешь, когда никто не смотрит. Я глаз не могла оторвать.

– А теперь ты… – И ты спустил трусы.

Я поставила тарелку. Потянулась к тебе. Голова уже шла кругом.

Ты с улыбкой покачал головой:

– Ты не совсем поняла.

Я вскинула брови, и до меня дошло. Рука моя поползла по животу вниз. Ты тоже ни разу не видел, как я трогаю себя. И мысль об этом бросала меня в дрожь. Я закрыла глаза, я думала о тебе, о том, как ты смотришь на меня, думала о том, что мы вместе участвуем в столь интимном действе, и тело мое сотрясалось.

– Люси, – прошептал ты.

Веки мои задрожали, я открыла глаза и увидела, что твоя рука движется быстрее.

Когда мы оба демонстрировали друг другу акт, который обычно проделывают в одиночку… о-о, в этом ощущалась близость куда более интимная, чем даже в сексе. И перегородка, разделяющая «ты» и «я», становилась еще менее ощутимой, а полнота чувства нераздельности – гораздо глубже.

Я продолжала работать пальчиком, наблюдая, как ты, не отрывая от меня взгляда, откинулся на спинку дивана и полностью сбросил трусы. Руки наши заработали еще быстрей. Легкие тоже. Ты закусил губу. Потом я увидела, что хватка твоя стала крепче. Мышцы напряглись. И ты кончил у меня на глазах.

– О господи! О, Люси…

Чтобы поспеть за тобой, я заработала пальцами еще настойчивей, но ты схватил меня за запястье:

– Можно я?

От твоего голоса я задрожала.

Я кивнула, и ты подвинулся так, чтобы я смогла вытянуться во всю длину дивана и тебе было удобно снять с меня сорочку. Ты двинулся еще ближе, и, предвкушая, что сейчас будет, я изогнулась.

– У меня есть один секрет, – прошептал ты, просовывая пальцы внутрь.

– Правда? – Я выгнулась дугой, чтобы помочь тебе.

– Правда. – Ты вытянулся рядом со мной, прижал губы к моим губам. – Когда я делаю это один, то думаю о тебе.

Все тело мое содрогнулось.

– Я тоже, – прошептала я, задыхаясь.

Секунд через тридцать я кончила.

Глава 10

За наши первые полгода ты открывался передо мной то одной, то другой своей гранью, и все они казались мне столь волнующими, столь удивительными, что я влюблялась в тебя еще сильнее.

Как в тот день, например, когда после работы я пришла к тебе и застала сидящим на полу, скрестив ноги, а вокруг тебя – кучи квадратных бумажек размером с самоклеящиеся листочки для записей.

Я бросила сумку на кухонный стол и закрыла за собой дверь.

– Что у тебя здесь происходит?

– Через две недели девятнадцатое сентября. Мамин день рождения, – сообщил ты, отвлекаясь от бумажек. – В этом году я не смогу полететь домой, вот и хочу послать ей что-нибудь этакое… существенное.

– И ты делаешь… бумажную мозаику? – Я подошла ближе.

– В некотором роде, – ответил ты. – Это наши с мамой фотографии.

Ты протянул мне несколько снимков. На одном я увидела тебя с мамой на церемонии вручения аттестатов об окончании средней школы, на другом – вы вдвоем сидели на краю бассейна, оба в шортах, болтали ногами в воде. На третьей – стояли на крыльце дома и ты приставлял ей рожки.

– Ух ты, – сказала я.

– С утра печатал, – сообщил ты, – теперь выстраиваю композицию в цвете. Хочу, чтобы смотрелось как в калейдоскопе.

Я уселась на пол рядом, и ты быстро поцеловал меня.

– А зачем как в калейдоскопе? – спросила я, беря фотографию, на которой вы с мамой стояли спина к спине, меряясь ростом, и ты оказался немножечко выше матери. Прическа твоя – почти такая же, как у мамы, вы оба блондины с вьющимися волосами, и трудно определить, где кончаются одни локоны и начинаются другие.

– Здесь мне четырнадцать лет, – сказал ты, глядя на фотографию через мое плечо.

– Ты был очень симпатичный. Если бы я встретилась с тобой в этом возрасте, то пропала бы.

Ты улыбнулся и сжал мою ногу:

– Я и без твоей фотки смело скажу, что со мной в четырнадцать лет было бы то же самое.

Настала моя очередь улыбнуться.

– Так все-таки почему именно калейдоскоп? – снова спросила я, кладя фотографию.

Ты потер лоб, убрал с глаз прядь волос.

– Никому еще не рассказывал этой истории. – Голос твой прозвучал совсем тихо.

Я взяла еще парочку фото. На одной вы с мамой задували свечки на торте в день рождения. На другой – стояли, взявшись за руки, перед мексиканским рестораном.

– Не хочешь – не рассказывай, – сказала я.

«Интересно, – мелькнуло у меня в голове, – кто вас снимал до того, как тебе исполнилось девять лет. Папа? А кто снимал после?»

– Почему, – сказал ты, – хочу. – Ты подвинулся ближе, и мы оказались лицом к лицу, упираясь друг в друга коленками. – Через год после того, как родители разошлись, у нас стало туго с деньгами. Я приходил домой из школы и видел, что мама не столько сидит за мольбертом, сколько плачет. В тот год я был уверен: если станем отмечать мой день рождения, останемся вообще без денег. Тогда я заявил, что звать никого не хочу. Чтобы она не переживала из-за дополнительных трат.

И снова меня поразило, насколько разное у нас было детство. У меня ни разу не возникло повода беспокоиться о том, что у родителей не окажется денег на вечеринку для моих друзей в день рождения.

– Тогда мама… – начал ты. – У меня был калейдоскоп, который я очень любил. Мог часами в него глядеть, крутил его снова и снова, разглядывал, как меняются фигуры, забывая о том, как тяжко приходится маме, о том, как грустно мне из-за того, что я не могу сделать ее счастливее, забывая о своей злости на отца.

Ты не смотрел на меня, весь сосредоточился на рассказе. Я положила руку тебе на колено и сжала его. На губах твоих промелькнула улыбка.

– Ну? И что дальше? – спросила я.

– Представляешь, она весь дом превратила в калейдоскоп, – переведя дыхание, продолжил ты. – Это было… это было невероятно. Она повсюду развесила куски цветного стекла, они свисали с потолка, а она включила вентилятор на низкие обороты, и разноцветные стеклышки стали вращаться. Это было потрясающе.

Я попыталась представить себе дом, превращенный в калейдоскоп.

– Мы с мамой лежали на полу, глядя на цветные стекляшки. В десять лет я считал себя уже большим мальчиком и по мере сил старался заботиться о матери, но тут не выдержал и заплакал. Она спросила, в чем дело, а я сказал, что сам не знаю, почему плачу, ведь я был счастлив. «Вот что такое искусство, ангел мой», – сказала она. И я думаю, в каком-то смысле она была права, таково искусство, но вот в другом смысле… сам не знаю.

– Чего не знаешь? – спросила я, бессознательно рисуя большим пальцем круги на твоем колене.

– Сейчас я думаю, что это были слезы облегчения. Наверное, я плакал потому, что она снова вела себя как моя мама. Она думала обо мне, заботилась обо мне. В голове у нее царил мрак и хаос, но она все равно была способна творить красоту. И наверное, ее искусство убедило меня в том, что у нее все будет хорошо. Что у нас все будет хорошо.

Теперь уже ты положил мне руку на колено.

– Она сильная женщина, – сказала я. – И она любит тебя.

Ты счастливо улыбнулся, словно ощутил ее любовь здесь, в этой комнате. Потом продолжил:

– Мы с мамой лежали и плакали, и я никак не мог избавиться от мыслей об отце. О том, что, будь он сейчас здесь, никогда бы такого для меня не сделал. Жить с ним… Я говорил уже, никогда не знаешь, чего от него было ждать. Это словно в Лондоне во время Второй мировой войны, как мне кажется: вот сейчас завоют сирены, начнут падать бомбы, но ты понятия не имеешь, когда это начнется и куда они упадут. Помню, я тогда прошептал маме: «Нам без него лучше». И она ответила: «Я знаю». Мне было всего десять лет, но когда я говорил это, то чувствовал себя взрослым.

Ты замолчал, а в глазах моих стояли слезы. Я пыталась представить, как ты, десятилетний мальчик, лежишь на полу с мамой, думаешь об отце, чувствуешь себя взрослым, чувствуешь, что тебя любят и окружают красотой, созданной для тебя одного.

– Ну вот, раз уж меня там не будет, хочется сделать ей ко дню рождения что-то особенное, – сказал ты. – Что-то значительное, со смыслом. Хочу показать, как я люблю ее, и всегда буду любить, где бы я ни был. А мысль о мозаике только сегодня утром пришла мне в голову.

Взгляд мой перебегал от одной маленькой фотографии к другой.

– А что, прекрасная идея, – сказала я.

Казалось, все помещение заряжено энергией твоего рассказа, которым ты поделился со мной и словно отдал мне частичку себя. Я наклонилась, обняла тебя, и наше объятие перешло в долгий поцелуй. Губы наши, едва коснувшись друг друга, уже не могли разъединиться.

– Спасибо, что рассказал мне об этом, – тихо произнесла я.

Ты поцеловал меня еще раз.

– И тебе спасибо, что выслушала, ты единственная, кому мне захотелось об этом рассказать.

Уже вечером ты принялся клеить свой калейдоскоп. В эту минуту ты казался таким радостным, что я отложила компьютер и тихонько взяла твой фотоаппарат. Это единственная твоя фотография, которую сделала я. Хотелось бы знать, сохранилась ли она у тебя.

Глава 11

Нам было так спокойно вдвоем, близость наша была столь совершенна, что мы не сразу стали появляться вместе на людях. Меня не покидало ощущение, будто я иду у тебя в кильватере. Ты словно обладал магической аурой, все вокруг обращали на тебя внимание, заглядывали тебе в лицо, старались не пропускать твоих слов, слушали твои рассказы. И наш мирок, где существовали только мы двое, расширившись, стал миром, где появилось много других людей и где я уже не играла большой роли, как прежде. Мне частенько приходилось потихоньку ускользать от тебя, чтобы выпить в одиночестве или поискать, с кем можно поговорить.

Время от времени я бросала взгляд в твою сторону и неизменно видела тебя в окружении обожателей. И лишь слишком опьянев или почувствовав себя как выжатый лимон, ты искал меня. Мне всегда казалось, что игра в обаяшку – для тебя нелегкий труд, высасывающий жизненные соки. А когда мы оставались наедине, ты словно подзаряжался энергией, и мы снова шли тусоваться. В такие минуты мне казалось, что ты нарочно выбрал меня, чтобы было от кого подпитываться.

Образчиком истории под названием «Гейб на вечеринке» можно считать вечер, когда мы отправились праздновать день рождения Гидеона в квартире родителей именинника на Парк-авеню.

Там был кабинет – комната, куда заходить не полагалось, во всяком случае не со стаканом в руке. После определенного количества выпитых коктейлей координация движений у всех несколько нарушилась, и Гидеон серьезно беспокоился за сохранность первого издания Хемингуэя или экземпляра Набокова с авторской подписью. Наблюдая, как ведут себя гости, сколько пьют, я видела, что он, пожалуй, волновался не зря.

Я разговаривала с подружкой Гидеона, работавшей в области рекламы. Мне было интересно узнать побольше о вещах, с которыми я когда-то хотела связать и свою жизнь. Мы беспечно болтали, сравнивая приемы изложения разных баек, потом я обернулась, желая проверить, чем занимаешься ты, но тебя нигде не было. Наверное, в туалет пошел, решила я, или наполнить опустевший бокал, но прошло пять минут, десять, двадцать, а ты все не появлялся.

– Извини, – сказала я, когда уже не осталось сил поддерживать разговор. – Кажется, я потеряла своего парня.

– Неудивительно! – засмеялась она. – Думаю, такое с ним часто случается.

Но мне было не до смеха.

– С чего ты взяла?

Она пожала плечами, словно извиняясь за неуместный ляп:

– Да нет, понимаешь, я лишь хотела сказать, что он такой обаятельный, всем нравится с ним общаться.

– Не знаю, как насчет всех, но мне точно нравится, – отрезала я.

Впрочем, она не ошиблась, ты действительно был очаровашка. Всем хотелось общаться с тобой. У людей возникало чувство, будто их слушают, будто они интересны, будто на них обращают внимание. Я всегда считала, что отчасти поэтому многие люди, которые не любят фотографироваться, тебе не отказывали. У них возникало ощущение, что ты их понимаешь. Мне тоже всегда так казалось.

Я бродила по квартире и нигде не могла тебя отыскать, как вдруг услышала твой голос. Он звучал за дверью запретной библиотеки. Я заглянула внутрь и увидела, что ты разговариваешь с незнакомой мне женщиной. С пышной, словно львиной, рыжей гривой, обрамляющей изящное, как у кошечки, личико. А когда я увидела, как ты, слушая щебет собеседницы, пожираешь ее глазами, сердце мое болезненно сжалось.

– А-а, вот ты где! – воскликнула я.

Ты поднял голову, и я не увидела в твоих глазах даже малейшей тени вины. Ты улыбнулся, будто приглашая присоединиться к компании, но я на это свидание, кажется, уже опоздала.

– Я? – удивленно спросил ты. – Скорее, я должен сказать: «А-а, вот ты где!» Кстати, Рэчел рассказывала мне про свой ресторан. Говорит, может устроить нам скидку на комплексный обед.

Я перевела взгляд на Рэчел: мое появление понравилось ей меньше, чем тебе. Понятно, еще одна жертва твоих чар.

– Очень мило с вашей стороны, – сказала я.

Рэчел натянуто улыбнулась.

– Что ж, поболтали, и хватит, Гейб, – сказала она и приподняла пустой бокал. – Пойду налью себе еще чего-нибудь. Телефон я тебе дала… Звони, если надумаешь заказывать столик.

– Еще раз спасибо, – отозвался ты.

Она вышла из комнаты, и твоя улыбка освещала путь не мне, а ей.

А я не знала, что говорить. Я ведь не застукала тебя за чем-то предосудительным: да, стоял разговаривал про ресторанные скидки. Только зачем в библиотеке? С ней? Почему не разыскал меня?

– И чем вы тут занимались? – спросила я как можно беззаботнее.

Ты прошагал через всю комнату к выходу и, ухмыльнувшись, плотно закрыл дверь.

– Искали укромное местечко, где бы заняться этим.

Ты схватил меня за запястья, держа руки над головой, плотно прижал к книжной полке и крепко поцеловал.

– Сейчас мы с тобой прямо в этой библиотеке займемся любовью, – сообщил ты, – а там пусть они веселятся. И дверь закрывать на замок не стану.

– Но… – промямлила я.

Но ты снова поцеловал меня, перекрыв губами все мои протесты. Мне стало не до того, что я застукала тебя в библиотеке с этой Рэчел. Я думала лишь о том, что твои пальцы, подцепив резинку, стягивали с меня колготки в сопровождении звука расстегиваемой молнии на ширинке.

Я бы не стала мириться с этим сейчас, не стоило мириться и тогда, но ты успокаивал меня поцелуем, снимал тревоги соблазном оргазма. Мне надо было заставить тебя объяснить, в чем дело. Закричать: почему вместо того, чтобы искать меня, ты флиртовал с другой? Но ты был моим наркотиком. Я от тебя балдела и плевала на все остальное.

– Ш-ш-ш… – прошептал ты, задирая юбку.

Неужели от меня сейчас много шума?

Чтобы не закричать, я так сильно закусила губу, что после поцелуя губы наши испачкались кровью.

Я очень любила тебя и ни минуты не сомневалась в твоей любви ко мне, но никогда не забывала о Стефани и где-то в глубине души боялась, что это случится снова. Ты бросишь меня ради другой, такой, как она или, скажем, Рэчел… Да мало ли. Миллионы женщин сталкиваются с тобой в метро, в кафе или в магазине. Наши отношения еще были не вполне устойчивы, шаткие, словно качели. Как правило, мы с тобой были равны, ни в чем не уступали друг другу,

но случалось и так, что я вдруг обнаруживала себя где-то внизу, пыталась снова выбраться наверх, боялась, что ты сделаешь финт, рядом с тобой окажется другая женщина, а я так и останусь сломленной, без надежды на восстановление равновесия. Но если бы я даже возразила тогда в библиотеке, вряд ли это что-нибудь изменило бы.

Оказалось, что бояться мне нужно было не женщины, а совсем другого.

Глава 12

Впрочем, такие сомнения возникали не часто. Между нами было гораздо больше общего, мы идеально подходили друг другу. Оба неравнодушные ко всему, что касалось наших чувств, нашего будущего, наших мечтаний о профессиональной карьере. Ты просматривал каждый эпизод телешоу «Вся Галактика», над которым я работала, подкидывал идеи, например о том, как различные виды пришельцев из космоса моделируют социальные ситуации, в которых могут оказаться дети. Казалось, тебя это очень увлекает, а потому я задавала тебе вопросы, не дожидаясь, пока шоу запустят в производство.

Тогда я еще работала не в полную силу. Но уже просматривала сценарии, сценарные раскадровки, посылала отзывы боссу. Возможно, я относилась к этой обязанности серьезней, чем было нужно. Я приносила сценарии домой, мы вместе читали их в лицах и подробнейшим образом обсуждали. Ты всегда хотел исполнять роль Галакто, зеленого человечка, похожего на лягушку. Моей же любимицей была Электра, темно-фиолетовое существо с искрящимися щупальцами. Я заметила, что после чтения сценария «Всей Галактики» тебе легче делиться со мной собственными мечтами. Это шоу делалось для того, чтобы помочь детям выражать чувства, делиться ими с другими, но мне кажется, взрослым оно тоже помогало. Помню, как-то мы работали над одной серией и у нас случился разговор. Было начало ноября, и мы уже прошли треть последнего сезона.

Галакто сидит у себя во дворике, обхватив голову руками. Входит Электра.

Электра. Что случилось, Галакто? Ты выглядишь расстроенным.

Галакто. Папа хочет, чтобы я играл в старбол, а я старбол терпеть не могу!

Электра. А он это знает?

Галакто. Я боюсь ему говорить. Вдруг папа больше не захочет быть моим папой, если узнает, что я не люблю старбол так, как любит он?

Электра. Моему папе тоже нравится старбол, а мне нет, поэтому вместе мы с ним играем во что-нибудь другое. А ты составь списочек, что вам с папой обоим нравится, а?

Галакто. Думаешь, поможет? И я больше не буду играть в противный старбол?

Электра. Думаю, попробовать стоит.

Галакто. Ладно!

– Может, пусть лучше Электра любит старбол, а ее отец нет, как думаешь? – спросила я, когда мы закончили чтение. – Ну, чтобы сломать гендерный стереотип, понимаешь? Стоит предложить?

– Отличная идея! – воскликнул ты, глядя на меня на секунду дольше обычного.

И в эту минуту мне показалось, что тебе по душе не только моя идея, но и каждая грань моей личности.

Я сделала на сценарии пометки, потом перечитала еще раз про себя.

– А как думаешь, может, Электре стоит рассказать, что они с отцом любят делать вместе? Может, диалог станет от этого… крепче?

На этот раз ты не ответил, и я заглянула тебе в лицо. Ты пристально смотрел на голубя, воркующего на пожарной лестнице.

– Боюсь, я постепенно превращаюсь в него, – проговорил ты.

Я опустила распечатку сценария:

– В кого?

Звучит нелепо, но я подумала, будто ты говоришь о голубе.

Ты потер пальцами подбородок:

– В папашу своего. Что буду мечтать, к чему-то стремиться, но у меня ничего не выйдет. Это испоганит мне душу, я разозлюсь на весь мир и всем, кто окажется рядом, принесу только горе.

– А о чем ты мечтаешь? – спросила я. – О чем-то новеньком?

– Ты знаешь, кто такой Стив Маккарри?

Я помотала головой, а ты схватил с пола мой ноутбук, застучал по клавишам и повернул компьютер экраном ко мне. Я увидела обложку журнала «Нэшнл джиографик» и на ней – фотографию какой-то девицы. На голове платок, глаза зеленющие, обалдеть можно. Выражение лица испуганное, затравленное.

– Это его фотография, – сказал ты. – Сегодня на занятиях мы рассматривали его работы, и мне был понятен их смысл. Я чувствовал его всем сердцем, всей душой, всем, чем только можно. Вот так и я хочу снимать. Должен, понимаешь?

Глаза твои пылали, такого огня я в них прежде не видела.

– Я понял, что, если хочу делать что-то хорошо, по-настоящему хорошо, как ты сейчас стараешься делать в этом вашем шоу, мне надо уехать из Нью-Йорка. В другом месте я со своим фотоаппаратом способен сделать гораздо больше.

– Уехать? – эхом отозвалась я. Из всего, что ты наговорил, у меня в голове осталось только это слово, и оно горело там неоновой рекламой. – Как уехать? А как же я?

На секунду лицо твое опустело, и я сразу поняла, что ты ждал от меня совсем других слов. Но, честное слово, чего же ты ожидал?

– Я… я не думал сейчас о тебе… и о нас с тобой… Это просто моя мечта, Люси. – Он словно оправдывался. – Я лишь говорил, о чем мечтаю. Тебя это огорчает?

– А ты хочешь, чтобы я плясала от радости, когда в твоей мечте для меня нет места? – спросила я.

– Я не говорил, что для тебя в ней нет места.

Я вспомнила, что несколько месяцев назад ты рассказывал про своих родителей. Попыталась выключить эту неоновую рекламу, не думать о том, что слово «уехать» может натворить в моей душе, не замечать, что мои вопросы ты оставил без ответа.

– Хорошо, ты просто об этом мечтаешь, – повторила я твои слова. – Но твоя мечта не пустяк для тебя.

В твоих глазах стояли слезы.

– Я хочу, чтобы каждый из нас понял: у людей, где бы они ни жили, одни и те же мечты и мы мало отличаемся друг от друга. Если я смогу это сделать, если смогу протянуть ниточку… – Ты помотал головой – никак не мог подобрать нужных слов. – Но мне надо больше фотографировать, больше учиться, ходить на разные курсы… Перед тем как уехать, я должен уже чего-то достичь.

Значит, время еще есть. У нас с тобой есть время. Возможно, получится, как у тебя с мамой: уезжая, ты будешь любить меня издалека, а закончив работу – возвращаться ко мне. Не так страшно, как казалось на первый взгляд. Может, все выйдет и неплохо.

Я обеими руками вцепилась тебе в руку:

– И ты достигнешь. Если действительно хочешь, у тебя получится.

Потом мы долго сидели обнявшись на диване, дышали в унисон, и каждый думал о своем.

– Можно, я тебе кое-что скажу? – спросила я.

Не глядя на тебя, я почувствовала, что ты кивнул.

– Я очень боюсь, что когда-нибудь я стану как моя мама.

Ты повернулся ко мне:

– Но ты ведь любишь ее.

Это верно. Я любила ее. И сейчас люблю.

– Я тебе рассказывала, что она познакомилась с папой, когда они учились на юридическом? Рассказывала?

Ты покачал головой.

– Она у тебя юрист?

– Была юристом, – ответила я, кладя голову тебе под подбородок. – Работала в окружной прокуратуре Манхэттена, а потом родился Джейсон, за ним – я. И она ушла с работы. Вся жизнь ее сузилась до нескольких близких ей человек. Жена Дона. Мать Люси и Джейсона. Такое случается со многими женщинами. И я не хочу, чтобы это случилось со мной.

Он заглянул мне в глаза:

– С тобой, Люси, этого не случится. Ты человек страстный, ты знаешь, чего хочешь, много работаешь, в отличие от других.

И ты поцеловал меня.

Я тоже поцеловала тебя, но при этом подумала, что и моя мать обладала всеми этими качествами, но они в ее жизни не сыграли никакой роли. Она все равно потеряла себя. Может, сама так захотела, кто знает?

Глава 13

Порой мы принимаем решения и совершаем поступки, которые кажутся нам правильными, но потом, оглядываясь назад, видим, что ошибались. Но некоторые кажутся правильными даже при оценке задним числом. Все вокруг предупреждали не делать этого, и я прекрасно знаю, что случилось потом, но все равно рада, что в тот снежный январский день переехала к тебе.

– Он же хочет уехать, – говорила Кейт, когда мы с ней сидели на мягких кухонных стульях, а перед нами на столе дымились чашки с кофе.

– Но он ведь не сказал, когда именно, – возражала я. – У него пока нет работы. И возможно, не скоро появится. А если и появится, кто знает, надолго ли? Ну, уедет на время, потом вернется.

Кейт одарила меня взглядом, которым, наверное, смотрит теперь на своих коллег в юридической конторе, словно хочет сказать: «Ты хоть сама веришь в то, о чем говоришь? Да и кто может поверить в эту чушь?»

– Пусть даже через месяц устроится, – сказала я, – пусть уедет на несколько лет, пока он здесь, я хочу пробыть с ним рядом как можно дольше. А вдруг завтра конец света? Или я попаду под машину и не доживу до четверга? Я хочу жить сегодняшним днем.

– Послушай, Лю, – начала Кейт. Она провела пальцами по ожерелью от Тиффани, которое ей подарил Том. В последнее время она надевала его каждый день. – Проблема в том, что жить сегодняшним днем – значит не думать о будущем и не строить никаких планов, это ясно само собой. Конец света маловероятен, возможность попасть под машину стремится к нулю. А вот вероятность того, что Гейб устроится на работу фотожурналистом и махнет за океан, а заодно разобьет твое сердце, очень велика. Я лишь пытаюсь помочь тебе уменьшить

риски. Для тебя безопаснее оставаться у меня.

Боже, как было скучно и утомительно доказывать всем и каждому правильность своего выбора. Примерно такой же разговор у меня уже состоялся прошлым вечером с мамой. А за несколько дней до этого – с братом Джейсоном. Алексис поддерживала мое решение, но даже я знала, что ее мнению среди наших подруг доверия нет. Я потеряла счет мужикам, с которыми она спала, и любимое ее присловье было: «А почему нет, черт возьми?!»

– Дело в том, Кейт, – сказала я, – что я уже ко всему готова, живу я с Гейбом или нет. Почему бы не получить удовольствие, пока он здесь?

Кейт с минуту молчала, потом потянулась ко мне и обняла:

– Ох, Лю, сама не знаю, за что люблю тебя, но… смотри, сердечко у тебя хрупкое, сможешь ли его защитить? Не нравится мне все это…

Кейт, конечно, была права. Но в тот момент изменить ход судьбы – твоей, моей, нашей – я уже не могла. Поэтому считаю, что мое решение было правильным. Даже сейчас я уверена в этом. Никогда я не жила такой полной жизнью, не чувствовала в себе столько энергии, как в те пять месяцев, что мы провели вместе. Ты поистине обладал даром в корне преображать нашу жизнь. Я счастлива, что мы сделали этот выбор. Пошли наперекор судьбе, проявили свободную волю.

Глава 14

Вскоре после того, как мы съехались, ты записался на очередные курсы фотографии и тебе дали задание фиксировать на пленку самые разные проявления чувств или мыслей. «Поймать красоту» на одной неделе – с этим проблем у тебя не возникло, тут ты был ас. Потом – «поймать печаль». Счастье, упадок, возрождение – ставились и такие задания. Не помню, в каком порядке, зато хорошо помню, что ты, в неизменной шляпе и обмотанный шарфом, облазил с фотоаппаратом весь Манхэттен. Иногда я тащилась за тобой, до самого подбородка застегнув куртку и нацепив самые теплые наушники. Во многих

твоих заданиях в конце концов я становилась центральным персонажем, например на фотографии, где я сплю и по подушке разбросаны мои темные волосы. Кажется, задание тогда звучало: «поймать покой». Я до сих пор храню ее в коробке под кроватью, в рамочке, завернутую в коричневую бумагу. Съехавшись с Дарреном, я никак не могла заставить себя избавиться от нее. И даже когда вышла за него замуж. Может, сейчас стоит достать ее и повесить у себя в кабинете. Интересно, как тебе эта идея?

А в тот день ты получил задание «поймать боль».

– Я знаю, куда надо сходить, – сказал ты тем субботним утром, когда проверял, заряжен ли аккумулятор камеры. – На Граунд-Зиро[5 - Нулевой уровень, участок в Нижнем Манхэттене, на котором до 11 сентября 2001 г. располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра.].

Дожевывая последний кусок вафли, я помотала головой. Твоя мама прислала тебе вафельницу, помнишь? Купила ее по вдохновению, на распродаже, и взяла с нас слово, что мы будем пользоваться ею как можно чаще. Интересно, она у тебя сохранилась? Хранишь ли ты, как и я, старые вещи, напоминающие о нашей совместной жизни? Или избавляешься во время переездов, выбрасываешь воспоминания вместе со спичечными коробками и кофейными чашками? А я все еще помню эту вафельницу. Хорошая была вещь.

– Иди, если хочешь. А я нет.

– Но у меня же задание. Поймать боль.

Я снова помотала головой, подбирая вилкой остатки сиропа на тарелке:

– Это твое задание, не мое.

– Что-то я не понял… Почему ты не хочешь пойти со мной?

Я даже вздрогнула:

– Просто… Не вижу необходимости смотреть на это.

– Как это, не видишь необходимости? Надо помнить… помнить тех людей, которые погибли, и тех, которых они оставили, помнить, почему это случилось. В общем, надо помнить все. Нельзя забывать.

– Чтобы помнить, мне не обязательно смотреть на останки. Тот день и так навсегда остался у меня в душе.

– Ну хотя бы чтобы отдать последнюю дань. Для этого и приходят на могилы.

Я положила вилку:

– Ты что, серьезно думаешь, что единственный способ выразить свои чувства перед чем-то или перед кем-то – это явиться с визитом туда, где все произошло? Туда, где люди погибли или похоронены? Неужели ты так считаешь?

Ты расстроился, но старался не подавать виду.

– Нет, я так не считаю. Но… мне кажется, мы мало делаем, чтобы помнить. Чтобы понимать.

Я закусила губу:

– Ты имеешь в виду нас с тобой?

– Всех, – ответил ты, крепко сжимая кулаки. – Как могут люди спокойно жить, будто ничего не случилось, когда Америка воюет в Ираке? Когда в гостиницах Индонезии взрываются бомбы? Когда все собственными глазами видели, что случилось с Нью-Йорком? Почему никто не чувствует того, что чувствую я? Почему никто не хочет ничего делать?

Ты закончил фразу с хрипом, видно было, что из последних сил стараешься сдержаться.

Впрочем, ты был прав. Большинство людей не чувствовали так, как ты. Я, например. Во всяком случае, постоянно, каждую минуту. Эти чувства не смогли овладеть моим разумом или пленить сердце, как происходило с тобой.

– Может, людям не надо заставлять себя чувствовать боль, чтобы помнить, что она есть. У них все не так, как у тебя, но это вовсе не значит, что они совсем ничего не чувствуют. И если я не хочу идти с тобой на Граунд-Зиро, это не значит, что мне все равно.

Я не стала дожидаться, что ты скажешь в ответ. Пошла на кухню, прихватив липкие от кленового сиропа тарелки. Посуда была твоя, вилки мои, и на кухне у нас царил полный кавардак.

Я открыла воду и принялась мыть тарелки, по щекам текли слезы, и я никак не могла их унять. Я уже тогда знала, сердцем чувствовала, что ты скоро уедешь и я останусь одна. Твоя мечта не была размытой абстракцией, она требовала немедленного осуществления. В Нью-Йорке ты никогда не был бы счастлив. И никогда не был бы счастлив лишь со мной. Если ты в конце концов хотел добиться успеха, тебе нужно было что-то противопоставить своей разочарованности этим миром, работать вопреки ей. Даже тогда я уже понимала это. Просто надеялась, что ты еще вернешься.

Ты подошел так тихо, что я не заметила, пока не щелкнул затвор фотоаппарата. Я подняла голову: ты застал меня врасплох с глазами, полными слез, – одна катилась у меня по щеке.

– Гейб! – сказала я, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Не могла поверить, что ты снимаешь меня. Что нашу ссору превращаешь в произведение искусства.

– Я знаю, – сказал ты, кладя фотоаппарат на стол, и поцеловал меня в макушку, поцеловал мои глаза, нос, губы. – Прости меня. Я знаю, что тебе не все равно. Я люблю тебя, Люси.

Я отложила тарелки и обняла тебя, прижав мыльные руки к твоей футболке:

– Я тебя тоже, Гейб. Я тебя очень люблю.

В тот день ты отправился на Граунд-Зиро без меня и сделал десятки снимков. Я понимала, как много это для тебя значит, поэтому пообещала помочь:

просмотреть все и выбрать лучшее фото, хотя мне до сих пор казалось, что, глядя на них, я все еще ощущаю острый запах обуглившихся предметов и тел, который витал по улицам города двенадцатого сентября. Но в результате ты так и не выбрал ни одного из них. Ты подал на тему боли ту самую фотографию, которую снял на кухне, когда я мыла посуду с глазами, полными слез. А мне этот снимок никогда не нравился.

Интересно, понравилось бы тебе, если бы я сфотографировала тебя прямо сейчас?

Глава 15

После твоего рассказа о себе и матери, о калейдоскопе на день рождения я поняла, что ты очень любишь делать широкие жесты, устраивать всякие прочувствованные, исполненные глубокого смысла праздничные ритуалы. И тут я была тебе достойной парой. В тот год, в конце февраля, мы решили отпраздновать твой день рождения прогулкой на вертолете, которая завершилась рестораном с дегустацией двадцати обозначенных в меню блюд. Не помню сейчас название, но тебе хорошо известен этот ресторан. Помнишь, тот самый, где после одиннадцати блюд я так натрескалась, что тебе пришлось съесть парочку моих, и твоим рекордом стали двадцать два блюда, а моим – всего лишь восемнадцать, но для меня и это было слишком много. Оставшиеся выходные я чувствовала себя удавом, который проглотил аллигатора, но ты был доволен. Говорил, что день рождения прошел как полагается. Особенно после того, как по дороге домой я сделала тебе минет прямо в такси.

А накануне моего дня рождения в том же году ты прислал мне цветы на работу, дюжину лилий «Звездочет». У меня до сих пор хранится записка, которую ты вложил в букет вместе с завернутой фотографией на тему покоя. Звездочеты для моей девочки, чьи глаза наполнены мерцанием звезд. С днем рождения. С юбилеем. Жду не дождусь вечера. Люблю. Гейб.

Придя домой, я увидела на кровати большую коробку.

– Открой, – сказал ты, усмехнувшись во весь рот.

Внутри лежал наряд из моего любимого магазина, в котором покупки я делала, только дождавшись семидесятипроцентных скидок. Блузка без рукавов из бирюзового шелка с глубоким вырезом спереди и сзади. И коротенькая узкая юбка черного цвета.

– Я подумал, тебе очень пойдет, – сказал ты. – Идеально для похода в театр на балет «Аполлон», а потом, я подумал… можно снова сходить в «Лица и имена». Ты была бы там самая сексуальная.

Я благодарно обняла тебя. Ты такой заботливый, и костюм скроен как раз на мою фигуру. Я представила себе, как ты внимательно изучаешь путеводитель по Нью-Йорку в поисках, куда бы пойти вечером, ходишь по магазину, тебе там немного не по себе, ты щупаешь шелк и сатин, представляя, как это будет на мне сидеть. Выбираешь цвет, чтобы я потрясающе выглядела.

– Как мне повезло, – призналась я. – Честное слово, я самая счастливая девушка в мире, у меня есть ты.

– Наоборот, – возразил ты, – это мне повезло. Жаль, что я не могу сделать что-то еще, чтобы показать тебе, какое это чудо – быть с тобой.

– Ну уж нет, – сказала я, хватая его за ремень, – сейчас я тебе покажу, на что еще ты способен ради меня.

Мы даже не добрались до постели. Странно, что ковер не воспламенился под нами.

Мы лежали рядышком на полу, вокруг валялась одежда.

– Ты когда-нибудь представляла себе, что любовь бывает такой? – спросил ты.

Я прижалась к тебе еще теснее. Рука твоя лежала у меня на плече.

– Нет, даже в самых безумных фантазиях, – ответила я.

– Ты моя звездочка, Люси, мое солнышко. Твой свет, твой магнетизм… Не могу выразить, что ты для меня значишь.

– А я бы сравнила нас с двойной звездой, – сказала я.

Рука моя тем временем медленно ползла вверх по твоему бедру. Не могла оторвать рук от тебя. Никак не получалось себя заставить.

– Мы с тобой как бы вращаемся один вокруг другого.

– О господи, Люси! Душа твоя так же прекрасна, как и твое тело. – Ты положил руку на локоть и заглянул мне в глаза. – Ты веришь в карму?

– Это как у индусов, что ли? Или типа украду чужую машину и меня постигнет та же участь?

Ты улыбнулся:

– В этом городе, конечно, для автомобильных воров тоже есть карма, но я говорю о другом. И не о карме из индийской философии. Да и вообще, мне кажется, это не то чтобы карма… Это, скорее, как… Как ты думаешь, мы вот так полюбили друг друга… так сильно, так крепко… потому что мой папочка был козел? И ты моя награда за пережитое? За что я получил все это? – Ты жестом указал на наши обнаженные тела. – Или, может, имея вот это сейчас, потом я буду страдать, чтобы искупить свое счастье? Может, каждый из нас обладает весьма ограниченным количеством счастья в мире?

Тогда я села и помотала головой:

– Нет, не думаю… Мир устроен иначе. Мне кажется, жизнь – это просто жизнь. Мы живем, попадаем в разные ситуации, принимаем решения, и все происходит так, как и должно происходить. «Воспользоваться мы должны течением» – помнишь, на семинаре у Крамера? Это старая проблема. – (Мы замолчали.) – Но знаешь, о чем бы я хотела подумать? – продолжила я после паузы. – Я бы хотела подумать о том, что на самом деле представляет из себя карма. В индуистском понимании. Может, в прошлой жизни я совершила для кого-то нечто чудесное и в этой жизни получила за это награду – тебя. Такое понимание кармы мне нравится больше, чем идея про ограничение счастья или добра.

Ты снова улыбнулся, но на этот раз грустно. Видно было, ты мне не верил.

– Да мне тоже нравится твой вариант. Просто… меня беспокоит мысль о том, что невозможно обладать вот этим всю жизнь, чтобы до самой смерти был один сплошной праздник.

Я немного подумала:

– А что, такое тоже может быть. Пусть не вся жизнь сплошной праздник, но думаю, к концу жизни можно получить от нее все, что хотел.

И я верю в это, Гейб, до сих пор верю.

– Хотелось бы думать, что ты права, – сказал Гейб.

Мы с тобой больше никогда не говорили на эту тему, но у меня создалось впечатление, что ты так и остался при своем мнении: ни один человек не может получить от жизни все, что хочет. Жаль, я не смогла переубедить тебя. Мне кажется, ты хотел сказать, что надо жертвовать всем, во что веришь. Одной любовью ради другой любви. Одним кусочком счастья ради другого кусочка счастья. Эта теория, сознательно ты верил в нее или бессознательно, объясняла твои поступки. В каком-то смысле она была твоей путеводной звездой на пути, который ты выбрал и который привел тебя, да и меня тоже, туда, где мы сейчас находимся.

Но мне очень хотелось бы думать, что в жизни все обстоит иначе. Что у нас может быть и любящий отец, и любящая подруга жизни. И работа, которая приносит удовлетворение, и личная жизнь тоже. Но, может быть, ты сказал бы, что уж если хотеть чего-то, так крепкого здоровья. Или денег побольше. Или бог знает чего еще.

Интересно, ты до сих пор остался при своем мнении или передумал, а, Гейб?

Жаль, что ты не можешь мне ответить.

Глава 16

Вскоре после моего дня рождения ты записался на курсы, которые вел Пит. Я часто думала: долго ли ты сохранял с ним связь после отъезда из Нью-Йорка? Я знаю, он много для тебя значил. Это очевидно. Этот человек дал толчок твоей карьере. Мне всегда хотелось знать, нашел ли ты хотя бы в нем поддержку и руководство, которых не получал от отца. Когда ты ходил к нему на занятия, когда с его помощью пристраивал фотографии в еженедельник «Виллидж войс», ты казался счастливейшим человеком на свете, прежде я тебя таким никогда не видела. У меня даже мелькала мысль, что, возможно, я не права, и ты не прав – возможно, ты мог бы стать счастливым и в Нью-Йорке.

Кроме того, ты взял на себя ответственность за готовку, потому что я, как правило, допоздна сидела в офисе, пока не уйдет Фил, а он в то время уходил с работы все позднее, ему были нужны новые идеи для очередного сезона программы «Вся Галактика». Помнишь вечер, когда я пришла домой гораздо позже обычного – около девяти, – а ты успел сварить макароны и приготовить к ним вкусный соус? У тебя была уже открыта бутылка вина, и ты успел выпить стаканчик. Когда я зашла, ты как раз накрывал на стол. А в динамиках, подключенных к ноутбуку, напевала Элла Фицджеральд.

– Ну, добрый вечер, – сказал ты.

Твой поцелуй отдавал «Мальбеком».

– У тебя сегодня хорошее настроение, – заметила я, сбрасывая джинсовую куртку.

– Угадай-ка, чью фотографию на днях напечатают в «Нью-Йорк таймс»? – спросил ты.

Я разинула рот:

– Неужели твою?

– Мою! – похвастался ты. – Пит познакомил меня с нужными людьми, и они взяли фотографию, которую я снял в нашем квартале… Помнишь, когда прорвало трубу и посреди улицы забил фонтан? Как иллюстрацию к статье про разрушение инфраструктуры города.

Я побросала сумки на пол и кинулась тебе на шею:

– Поздравляю, мой талантливый, мой блестящий возлюбленный!

Ты поднял меня на руки, отнес на диван, а я в это время думала: вдруг, боже мой, вдруг все-таки это надолго? Вдруг ты никуда не поедешь?

В тот вечер мы сели ужинать полуголые, и я поделилась с тобой своими новостями. Фил попросил помочь ему – обдумать кое-какие идеи для следующих сезонов нашего шоу.

– Это как раз то, что мне надо, – сказала я. – Это мой шанс повлиять на содержание того, что дети в нашей стране видят, изучают, воспринимают.

В ту ночь мы не спали допоздна, устроили мозговой штурм, я выдавала идеи, а ты играл роль невероятно мощного резонатора. Но все равно я своим списком была недовольна. И краем глаза все время видела твой фотоаппарат.

– Послушай, – сказала я. – А может, там найдем какие-нибудь идеи? Интересно, что у тебя на карте памяти?

Ты притащил фотоаппарат в постель, и мы стали просматривать кадр за кадром, пока я не попросила задержаться на фото маленькой девочки в зарешеченном окне квартиры на первом этаже. Малышка обеими руками держалась за прутья решетки.

– Как это можно назвать, по-твоему? – спросила я.

– Одиночество? Родители ушли на работу и оставили ее дома одну. Или, может, мечтательница, мечтает о чем-то своем, несбывшемся?

– Мечтает! Точно! Надо сделать серию, посвященную детским мечтам.

Идея легла в основу первой серии второго сезона.

В начале следующего квартала меня повысили в должности. Но ты уехал раньше.

Глава 17

Спустя совсем немного времени после того, как твоя фотография появилась в «Таймс», нашу программу «Вся Галактика» номинировали на приз «Эмми» для дневных передач, и меня пригласили на церемонию вручения. Приглашение было на две персоны.

Я тут же потащила тебя в «Блумингдейл» – примерять наряды. Впрочем, «потащила» не совсем верно сказано, ты пошел охотно и провел время с удовольствием. Помнишь? Ты сидел на диванчике перед примерочными кабинками, изображал зрительный зал на частной демонстрации мод. Сначала я вышла в облегающем платье без бретелек, с длинным разрезом по правой ноге.

– Сексуально, – заметил ты. – Очень даже пикантно.

– Не совсем то, во всяком случае, для работы не пойдет.

Потом показалась в розовом бальном наряде.

– Мило, – прокомментировал ты, – вылитая Золушка.

Но это было тоже не то.

Тогда я надела темно-синее платье.

– Строгое, простое, – сказал ты. – Красивое и стильное.

Я заметила, что другие женщины в магазине обращали на нас внимание. Те, что постарше, благосклонно улыбались. Молоденькие поглядывали с завистью. Я ловила на себе их взгляды и старалась пригасить улыбку, приглушить чувство, которое нашептывало: «Все идет хорошо». В тот день казалось, что мы с тобой, ты и я, обречены на счастье.

Я примерила еще несколько платьев, пока не добралась до красного шелкового, на бретельках, с низким вырезом на спине, плотно облегающего сверху, но чем ниже, тем свободней, так что при движении платье переливалось волнами. Помнишь, что ты сказал тогда? Я помню. Ты и сейчас словно стоишь перед моими глазами и горящим взглядом осматриваешь меня с ног до головы.

– Сногсшибательно! – воскликнул ты. – Ты поистине сногсшибательная женщина!

Потом поднялся с диванчика, взял меня за руку и закружил посреди секции, где продавались вечерние платья. Затем наклонился ко мне, запрокинул меня назад и поцеловал.

– Бери это, – прошептал ты мне на ухо. – И как можно скорее. Интересно, здесь есть туалет, где можно уединиться? Или по-быстрому возьмем такси?

– Такси, – прошептала я, смеясь.

Глава 18

Когда в тот день мы добрались до дому, ты сгреб меня в охапку вместе со всеми моими пакетами и бегом преодолел два лестничных пролета до дверей нашей квартиры, потом, освободив одну руку, но не отпуская меня, нащупал ключи. Я только смеялась, глядя на это.

– Что ты делаешь? У тебя крыша поехала.

– Не могу больше ждать, – ответил ты, распахнул дверь, внес меня в спальню и швырнул на кровать.

Коробки с пакетами ты побросал на диван, вернулся, на ходу стаскивая через голову рубаху.

– Ты представить не можешь, что я пережил, когда смотрел на тебя в этих нарядах, когда воображал, как ты стоишь там в примерочной голая… Это такая мука!

Я стащила футболку, расстегнула лифчик. Когда снимала его через голову, услышала умоляющий стон:

– О, Люси…

Ты прыгнул в кровать, и я почувствовала твои губы и нежные пальцы на себе и тоже не смогла удержаться от стонов, спине было больно, а потом ты вошел в меня, и тут я снова ощутила полноту бытия, со мной всегда такое бывало в эти мгновения.

– Габриель, – проговорила я, задыхаясь, – когда я с тобой, мне кажется, я бесконечна.

Ты впился губами в мои губы.

– А я с тобой чувствую себя непобедимым, – прошептал ты в ответ.

Да, любовь способна на такое. Она дает тебе чувство бесконечности и непобедимости, словно весь мир раскрыт перед тобой, и все для тебя достижимо, и каждый день кажется чудом. Может быть, это акт, когда ты раскрываешься и впускаешь в себя другого, а может, акт нежности, когда твоя любовь к другому человеку столь глубока, что сердце твое расширяется до пределов вселенной. Я столько раз слышала, как говорят: «Я и не подозревала, как сильно способна любить, до тех пор пока…» – и затем шло, например, такое: «…пока у меня не родилась племянница» или «пока не родила ребенка» или «пока я его (или ее) не усыновила (не удочерила)». Лично я не знала, насколько сильно способна любить, пока не встретила тебя, Гейб.

Никогда этого не забуду.

Глава 19

Мне кажется, в тот день я вся сияла. Я любила, и мой возлюбленный тоже любил меня, да еще так неистово. Ты помог мне выбрать платье для торжественной

церемонии награждения, во время которой отметят и мои достижения. О твоем желании уехать я совершенно не помнила, совсем забыла, что в глубине души знаю: по-настоящему ты не вполне счастлив. Потому что в тот день все мне казалось прекрасным.

Глава 20

Утром в день церемонии я сделала себе прическу – вьющиеся волосы, свободно спадающие на плечи. На макияж потратила чуть ли не килограмм пудры, теней для век и туши для ресниц и бровей, губы накрасила в тон платью. Надев же его, реально ощутила, что я неотразима. Приятное возбуждение охватило меня. Все, ради чего я трудилась после окончания колледжа, я заслужила.

– Умна и красива, – сказал ты, слегка улыбнувшись, когда увидел меня.

– Да ты и сам ничего себе, – отпарировала я.

На тебе был однобортный смокинг с жилеткой и галстуком, кудри приглажены гелем, который ты использовал для особо важных мероприятий. Ты весь благоухал, будто только что вышел из салона модных причесок. Уже много позже, улавливая похожий запах, исходящий от мужчины, я сразу вспоминала этот день, да и сейчас то же самое. С тобой подобного никогда не случалось? Бывало ли так, что, учуяв какой-то запах, ты мгновенно оказывался в прошлом и вспоминал обо мне?

Пока в тот день мы добирались до Рокфеллеровского центра, пока я знакомила тебя с коллегами, пока мы рассаживались, я не могла не заметить, что мысли твои витают совсем далеко. Хлопать ты неизменно начинал через секунду после всех остальных. На меня смотрел, закусив нижнюю губу. Так ты всегда делал, когда о чем-то напряженно размышлял, словно снова и снова прокручивал засевшую в мозгу мысль. Что же творилось у тебя в голове?

Наконец объявили нашу номинацию. И победу присудили нам! У меня перехватило дыхание. Грудь распирало от радости. Я представила, что мои родители сейчас со слезами на глазах смотрят телевизор… Впрочем, нет, папа

наверняка тщательно скрывает слезы. Джейсон вопит. Кейт, несомненно, тоже радуется. Фил вытащил меня на сцену – за нами подтянулась вся наша группа, – и, пока он говорил, я стояла рядом. Я улыбалась во весь рот, растянула улыбку до ушей. И все время поглядывала на тебя в зале, мне хотелось, чтобы ты разделил со мной радость. Но твои глаза оставались все такими же тусклыми. Ты словно не замечал моего взгляда. «Что происходит?» – мелькнула мысль, но тут мы все повернулись, надо было спускаться со сцены, и когда я снова уселась в кресло рядом с тобой, ты наклонился и поцеловал меня.

– Я люблю тебя, – услышала я шепот.

Потом была вечеринка, всех словно лихорадило, кровь кипела от радости – мы победили! Танцевали, пили, хохотали, ты по очереди общался с женами, любовниками, женихами и невестами моих коллег. Но я видела, что все это время мысли твои были далеко.

Глава 21

Когда мы добрались до дому, я сбросила туфли на высоком каблуке и без сил повалилась на диван. Ты сел рядом, взял в руки мою стопу и принялся разминать, массажем снимая боль после восьмичасового хождения по ножам.

– О господи, – стонала я от удовольствия. – Честное слово, это не хуже секса.

Я думала, ты засмеешься шутке, но нет, ты не засмеялся.

– Люси, – сказал ты, продолжая растирать мне левую стопу, – нам надо поговорить.

Я села на диване, выдернув у тебя ноги и поджав их под себя:

– О чем? С тобой все хорошо? У нас все хорошо? Мне кажется, все замечательно, но если что-то случилось…

– Люси, – повторил ты и глубоко вздохнул, – помолчи. Не знаю, с чего начать, поэтому скажу без предисловий. Мне предложили работу в «Ассошиэйтед пресс». Они посылают меня в Ирак, прикомандировывают к войскам, для начала – снимать репортажи. В перспективе обещают стабильное жалованье. Пит кое-куда позвонил, подергал за ниточки. Он знал, что я хочу работать за границей.

На секунду у меня перехватило дыхание.

– Когда надо ехать? – прошептала я. – Надолго?

– Они хотят, чтобы я отправился через три недели. Работы, как минимум, на два месяца. Но не исключено, что намного дольше.

– И когда ты должен дать ответ?

На самом деле я в этот миг думала: «Два месяца еще не срок, мы справимся. Даже если и дольше. У нас все получится».

– Уже дал, – ответил ты, разглядывая свои ногти. – Я согласился.

– Что-что?

У меня было такое чувство, будто кто-то вынул пробку из нашей с тобой совместной жизни, и, как вода из ванны, она хлынула прочь, словно вихрь торнадо. Я тут же вспомнила Кейт, вспомнила ее слова о том, что ты уедешь и мое сердце разобьется.

Ты все еще смотрел не на меня, а куда-то в сторону.

– Это долго решалось, не сразу, – сказал ты, – но сегодня бюрократическая машина сработала. Я сам не знал, что так получится. Все висело на волоске. Я не хотел тебе говорить, пока все было непонятно. Не хотелось зря расстраивать, если бы ничего не вышло.

Я ощущала каждый удар своего сердца, каждый толчок крови в теле. Открыла рот, но, хоть убей, не смогла вымолвить ни слова.

– Еще несколько месяцев назад, когда я увидел первую статью «Ассошиэйтед пресс» про Абу-Грейб[6 - Абу-Грейб – тюрьма в одноименном иракском городе, расположенном в 32 км к западу от Багдада. Печально известная еще во времена бывшего иракского лидера Саддама Хусейна, тюрьма Абу-Грейб была превращена американцами после вторжения в Ирак в место содержания иракцев, обвиненных в совершении преступлений, направленных против сил западной коалиции.], я сразу понял, что должен ехать туда. Картинки способны поменять точку зрения. Изменить убеждения, взгляды. Я не могу оставаться в стороне и думать, мол, пусть другие делают эту работу, тем более что считаю это очень важной работой. Я предупреждал тебя, Люси, что собираюсь уехать. Ты прекрасно знала о моих планах.

Да, знала. Но я же не понимала, что твое «уехать» шло рука об руку с «навсегда». И что это не обсуждается. Что мы не будем искать решение вместе. Более того, я оказалась совсем не готова. Особенно в этот вечер. В такой вечер надо веселиться, радоваться жизни, успеху. Я взлетела на такую высоту, на какой никогда еще не была в жизни. Работа, которую я проделала сама, получила премию «Эмми». И я расслабилась. Позволила себе быть абсолютно счастливой.

Почему ты ничего не говорил о том, что Пит делает какие-то шаги? О том, что тебе должны позвонить? О своих планах? Как мог ты принимать такое решение без меня? Я до сих пор злюсь на тебя, Гейб, за то, что в столь важном для нас деле ты исключил меня. Мы же были с тобой двойной звездой. Вращались друг вокруг друга. Утаив свои приготовления, ты все изменил, ты больше не вращался вокруг меня, ты кружился в другом пространстве, вокруг кого-то другого, чего-то другого. Как только ты стал заводить от меня тайны, мы с тобой потеряли наш шанс.

И слезы вдруг хлынули из моих глаз, слезы гнева, слезы печали, слезы смятения и боли.

– Гейб, Гейб, – повторяла я снова и снова, – что ты наделал? Как ты мог? – Наконец я справилась с собой. – Как же ты мог не сказать мне? Как ты мог сообщить мне об этом только сегодня?

Ты протянул ко мне руки, но я сопротивлялась, отталкивала тебя прочь, даже сама удивлялась, откуда взялось столько силы.

– Если бы я знала заранее, мне не было бы так больно, – говорила я. – Если бы мы с тобой вместе обсуждали все это. Неужели ты не понимаешь? Мы с тобой были единое целое. А сейчас ты отрезал меня от себя. Как мог ты строить какие-то планы без меня? Как мог ты строить такие планы без меня?

Ты тоже плакал, из носа у тебя капало и стекало по подбородку.

– Прости меня, – говорил ты. – Я старался как лучше. Я не хотел сделать тебе больно. Прости меня.

– Не хотел, а сделал, – говорила я, задыхаясь. – Больнее, чем можешь себе представить. Больнее, чем нужно было. Теперь я вижу, что ничего для тебя не значу.

– Это неправда.

Ты вытер нос и снова протянул ко мне руки.

– Не смей! – сказала я. – Не смей прикасаться ко мне!

– Люси, пожалуйста, – умолял ты. – Прошу тебя.

Ты уже плакал даже сильнее, чем я.

– Мне нужно, чтобы ты поняла. Я ничего не могу поделать, это сильнее меня. Я должен, даже против своей воли, это единственное, что дает мне ощущение, будто я живу правильно. У меня в мыслях не было сделать тебе больно. К тебе это не имеет никакого отношения.

– Да, ко мне не имеет. Но это имеет отношение не только к одному тебе. Это имеет отношение к нам обоим. Это говорит о том, что ты уничтожил нас с тобой.

Ты посмотрел на меня так, словно я влепила тебе пощечину. А мне этого и хотелось.

– Ничего я не уничтожил… И это не имеет отношения к нам с тобой, Люси. Честное слово. Это имеет отношение только ко мне. Это нужно только мне

одному. Во мне что-то сломалось, и это единственный способ поправить. Я думал, ты поймешь. Ты же всегда меня понимала…

Но нет, на этот раз я не поняла.

– Почему ты не можешь остаться? – перебила я. – Снимай себе Нью-Йорк, тебе разве мало? Да здесь столько сюжетов, на несколько жизней хватит! Вспомни, как ты был счастлив, когда «Нью-Йорк таймс» напечатала твою фотографию.

Ты покачал головой:

– В других местах я способен на большее. Способен работать лучше. Для хорошей работы мне нужна перемена. Мне очень жаль, но это так и есть. Ты же знаешь, как много для меня это значит.

– Знаю, но могут же быть иные пути.

– Других нет.

– Но почему нельзя уезжать в командировку, делать работу и потом возвращаться домой?

Я готова была встать перед ним на колени. Я понимала, это унизительно, но мне уже было все равно.

– Не получится. Пит говорит, если я хочу эту работу, надо забыть обо всем другом.

– Ах, твой Пит говорит! – рассвирепела я. – Значит, с Питом ты обсуждал все это, а со мной нет?

– Люси… – начал ты.

– А знаешь что? – снова перебила я. – Шел бы ты ко всем чертям! – Меня охватила бешеная злость. Я подошла к кровати схватила твою подушку, второе одеяло и швырнула на диван. – Сегодня ты будешь спать здесь.

– Люси, мы же не договорили. – Кончиками пальцев он взял одеяло и растерянно смотрел на него.

– Не о чем больше разговаривать!

Я выключила свет и расстегнула молнию на платье.

Конечно, оба мы долго не могли уснуть. Я перебирала в уме, так и сяк, наш недавний разговор. Как ни ненавидела я тебя в те минуты, мне все равно жутко хотелось встать, подойти к дивану и забраться к тебе под одеяло, почувствовать твое крепкое тело. Только ты мог меня успокоить, но в то же самое время думать о тебе было больно.

Вдруг ты поднялся с дивана и подошел к кровати.

– У меня есть идея, – услышала я твой голос, но промолчала. – Я знаю, ты не спишь. У тебя глаза блестят в темноте.

Шторы мы не задернули. Свет городских огней падал на тебя сзади. Ты словно был окружен световым ореолом. «Как падший ангел», – подумалось мне.

– Ну что? – не выдержала я.

– А может… может, поедешь со мной, а? – В полумраке ты осторожно протянул руку. – Может, так решим эту проблему?

Я тоже протянула руку и коснулась твоей. На секунду показалось, что в твоих словах есть здравый смысл. Но потом вдруг до меня ясно дошло, о чем ты просишь. Я представила себе Багдад. Проблемы с визами. Проблемы с жильем. С работой.

– Но… как ты себе это представляешь?

Ты присел на край кровати, не отпуская мою руку, и пожал плечами:

– Придумаем что-нибудь.

– А где я буду жить? Что буду там делать? А моя работа? А, Гейб?

Меня снова охватила злость. Ты просишь, чтобы ради тебя я бросила все, о чем мечтала, в то время как сам ради меня не желаешь поступиться ничем. Ты даже словом не обмолвился о компромиссе, для тебя это даже не обсуждалось.

Ты покачал головой:

– Не знаю. Но разве другие так не делают? Найдешь новую работу. Скажем, станешь писать статьи, это уже кое-что. Я буду снимать, ты писать к фотографиям тексты. Эх, надо было подумать об этом раньше. Было бы идеально.

– А я-то думала, Гейб, что мои мечты для тебя не пустяк. Взял да выбросил на помойку.

Да, я любила тебя. Очень любила. И сейчас люблю. Но то, о чем ты просил, было несправедливо. Очень больно было сознавать тогда – да и сейчас тоже, – что ты принял решение уехать, не посоветовавшись со мной, и не желал подумать о других вариантах.

– Я этого не говорил.

Я тяжело вздохнула. Это уже слишком…

– Утром поговорим, – сказала я.

– Но… – начал ты и не закончил. – Ладно.

Однако ты не двигался. Продолжал сидеть на кровати и держать меня за руку.

– Гейб, – сказала я.

Ты заглянул мне в лицо. За окном проехала полицейская машина, и свет ее мигалки отразился в твоих глазах.

– Я не могу без тебя заснуть, Люси.

Из глаз у меня снова потекли слезы.

– Это нечестно, – сказала я. – Ты не должен так говорить. Не имеешь права.

– Но это правда, – возразил ты. – Поэтому ты должна поехать со мной в Ирак.

– Только потому, что, когда меня нет рядом в кровати, у тебя проблемы со сном, да? – Я выдернула руку.

– Я не имел в виду буквально. Я хотел сказать, что люблю тебя. Хотел попросить прощения. Сказать, что хочу, чтобы ты поехала со мной.

Ты так ничего и не понял.

Я села в кровати и включила настольную лампу. От яркого света мы оба сощурились. Твое лицо выражало страдание. Ты казался таким незащищенным, ранимым. Несчастным. Потерянным. Как в тот вечер в кафе, когда мы с тобой снова встретились и больше не расставались. Я остро ощущала то семечко граната, твою частичку, которая настойчиво не дает мне прогнать тебя. Когда ты демонстрируешь передо мной свою незащищенность, у меня пробуждается чувство ответственности. Ведь наша истинная сущность открывается только перед людьми, которых мы любим больше всего. Мне кажется, именно поэтому наши отношения развивались так быстро. Уже одиннадцатого сентября между нами исчезли все преграды, наш внутренний мир раскрылся навстречу друг другу. И ты никогда не сможешь этого отрицать. Но в ту ночь этого оказалось недостаточно. Мне нужно было от тебя нечто большее. Мне нужно было твое понимание, честность и способность идти на компромисс. Понимание долга и ответственности. А так – не стоило и бороться.

Я снова взяла тебя за руку:

– Я тоже люблю тебя, но поехать с тобой не могу. И ты это знаешь. Твоя мечта осуществляется там, а моя – здесь.

– Ладно, ты, пожалуй, права, – сказал ты. – Поговорим обо всем утром.

Ты ушел в другой конец комнаты и, скрючившись, улегся на диван. Я выключила свет и стала думать, почему затея отправиться с тобой в Ирак кажется мне бессмысленной. Тому было много причин. И всего лишь одна, которая придавала ей смысл: я представить себе не могу, как буду без тебя жить.

Проснулась я с туманом в глазах, голова раскалывалась. Ты сидел на диване и смотрел на меня.

– Я понимаю, поехать ты не можешь, – тихо проговорил ты, как только я разодрала веки. – Но обещаю, мы не потеряем друг друга. Я ведь хоть иногда буду возвращаться, мы будем встречаться. Я всегда буду любить тебя. – У тебя перехватило дыхание, и ты на секунду умолк. – Но мне необходимо сейчас уехать. А что касается того, что я якобы наплевал на твои мечты… да, я говорил, что похож на отца, Люси. Думаю… думаю, без меня тебе будет лучше.

В голове стучали молотки. В глазах – красные круги. Я совсем тогда потеряла голову и вконец расклеилась. Я разрыдалась в голос, ничего не могла с собой поделать, меня трясло, из горла вырывался невнятный первобытный вой. Так проявляло себя чувство боли, эти звуки хранились у нас в ДНК еще с тех времен, когда наши далекие предки не умели разговаривать. Ты уезжаешь, и ничего с этим поделать нельзя. Ты бросаешь меня. Я знала, что это когда-нибудь случится, но никогда не позволяла себе думать о том, как все будет на самом деле. А оказалось, что это сущий кошмар. Такое чувство, будто сердце мое сделано из тонкого стекла, и кто-то швырнул его на пол, и оно разлетелось на тысячи мелких осколков, а этот кто-то принялся топтать его твердыми каблуками.

Да, ты позвал меня с собой, и это, конечно, очень много для меня значило. Всегда много значило. Но это предложение ничего под собой не имело, оно было совершенно непродуманное. Просто попытка полуночного оправдания, попытка поправить ошибку – загладить вину за то, что не поделился со мной планами раньше, что таил от меня правду, что, выстраивая свое будущее, не принимал

меня во внимание. Хотя в глубине души меня всегда грыз вопрос: что бы случилось, ответь я согласием? Сложилась бы наша с тобой жизнь совершенно иначе или все закончилось бы точно так же: я бы сидела в этой ярко освещенной комнате, желая быть где-то в другом месте и в то же время не желая никуда уезжать. Думаю, этого мы никогда не узнаем.

На той же неделе ты собрал вещи и отправился к матери. Надо же было попрощаться с ней перед тем, как уехать навсегда. А я сидела одна в когда-то нашей с тобой квартирке и плакала.

Глава 22

Мы никогда не говорили о том, что было после. Я ни словом не обмолвилась, насколько сломал меня этот удар, не рассказывала тебе, как сидела, глядела на дырки между книжными корешками, в которых некогда стояли твои книги, и никак не могла заставить себя хоть чем-то заполнить их. Как не могла без слез есть вафли. Или надевать деревянный браслет, который ты мне купил на уличной ярмарке на Коламбус-авеню. Мы наткнулись на нее случайно и застряли на весь день, ели блинчики с молодым итальянским сыром и делали вид, что ищем новый ковер для воображаемого лыжного домика.

Однажды вечером, через две недели после твоего отъезда, я взяла с полки над кухонной раковиной бутылку твоего любимого виски. Ты забыл прихватить ее с собой. Налила, выпила, налила еще, и еще, сначала со льдом, потом лед закончился, и я пила просто так. Напиток обжигал губы, но мне казалось, что с каждым глотком я целую тебя. И боль немного поутихла. В первый раз после твоего отъезда я крепко спала всю ночь. Наутро, конечно, была никакая и на работу не пошла, позвонила и сказала, что заболела. Однако на следующей неделе снова напилась. Через неделю – опять. На работу ходила через силу, привыкая к постоянной боли.

Я не могла проходить мимо магазинов, где мы делали покупки, не могла есть в ресторанах, где мы обедали вместе. Целый месяц я спала на полу: когда пыталась уснуть в кровати, слишком остро чувствовала, что тебя нет рядом. А на диване было еще хуже. Сразу вспоминался вечер после вручения премии «Эмми». Половину своей одежды я раздала благотворительным организациям, а

плакаты, висевшие у нас на стенах, выбросила в мусорный бак.

Как-то раз, месяца через полтора после твоего отъезда, я сидела одна в полупустой квартире. И вдруг мне пришло в голову позвонить Кейт.

– Я не могу здесь жить, – пожаловалась я.

– А кто тебя заставляет? – ответила она. – Переезжай ко мне.

Я собрала кое-какие вещички и переехала, недели на две. Кейт помогла со сдачей нашей квартиры, и я снова стала жить в Бруклине. Терпеть больше не было сил. Позарез нужно было поменять район и начать жизнь заново. Но даже там приходилось обходить стороной ресторан «Баббис», где мы с тобой были на свадьбе Кевина с Сарой, и «Ред хук лобстер паунд», где мы отмечали День независимости. Ты был для меня везде. Мы прожили с тобой всего год и два месяца, но эти год и два месяца в корне изменили мою жизнь.

Я посылала тебе по электронной почте сообщения, ты помнишь? Но о своих чувствах, о том, что моя жизнь разваливается на куски, ни словом не обмолвилась. С наигранной веселостью я писала:

Мы с Алексис сейчас снимаем домик в Хэмптонсе! Успели арендовать в самую последнюю минуту, думаю, здесь будет весело. Недавно ходили на фестиваль «Летняя сцена», выступал Бен Фолдс. Тебе бы очень понравилось. Как у тебя дела?

А потом ждала и ждала ответа, но так и не дождалась. Все думала, вспоминала, ведь ты говорил, что мы будем на связи. Что не разлюбишь меня. Всякий раз, когда я проверяла почту, меня охватывало сложное чувство грусти и ярости одновременно, столь глубоко в жизни я еще не разочаровывалась. Я начинала писать тебе письма. Язвительные, обличительные. Но, так и не отослав, рвала их на мелкие кусочки. Боялась, если я стану орать на тебя через все континенты, ты совсем вычеркнешь меня из жизни и я больше никогда не получу от тебя весточки. Отчаяние было полное, казалось, я сойду с ума.

Оглядываясь теперь назад, я понимаю, что тебе тоже было несладко, тем более что ты пытался пробиться, отыскать свою дорогу в жизни. И моя весточка из Нью-Йорка, должно быть, показалась тебе едва видимым лучиком с другой планеты. «Летняя сцена»? Хэмптонс? Невозможно представить, о чем ты думал, читая это. Но потом? Потом у меня в голове не укладывалось, как ты мог так игнорировать меня. Как мог сначала обниматься со мной, целоваться, говорить, что любовь ко мне делает тебя непобедимым, а потом ни с того ни с сего взять и исчезнуть.

Через два месяца после твоего отъезда я получила мейл от тебя. Первый с тех пор, как ты прибыл в Ирак.

Я рад, что у тебя все хорошо. А здесь у нас полный дурдом. Извини, что долго не отвечал. Задание оказалось очень трудным, хотя работа мне очень нравится. Репортаж закончил, но меня пока оставляют здесь. Надеюсь, в Нью-Йорке ты не скучаешь!

Это коротенькое письмо я перечитывала, наверное, сотню раз. Может, и две сотни. Вдумывалась в каждое слово. В каждый знак препинания. Выискивала скрытый смысл, вдохновенно гадала, как ты себя чувствуешь и о чем думаешь. Старалась догадаться, скучаешь ли ты по мне или успел найти другую.

Но поняла наконец только одно: не было никакого подтекста, никакого скрытого смысла, никаких тайных намеков. Просто краткий ответ, написанный второпях. Два месяца я прождала впустую. На Gmail я создала особую папку, назвала ее «Катастрофа» и отправила в нее все твои электронные послания, включая и это. Отвечать не стала. Понимала, что просто не вынесу, не смогу, если ты снова проигнорируешь мое письмо.

Глава 23

Порой я слышу от разных людей слова, важность которых доходит до меня далеко не сразу. Причем, как мне кажется, так всегда бывает, когда я разговариваю с братом и у нас идет разговор серьезный, а не что-нибудь типа

«Как дела?», «Как работа?». Иногда проходит несколько лет, прежде чем я пойму, что он на самом деле хотел сказать. Так вот, через несколько недель после твоего бегства позвонил Джейсон. Тогда ему было двадцать восемь, и уже около года он встречался с Ванессой. Познакомились они в лаборатории: она работала в отделе связи фармацевтической компании, а он разрабатывал что-то вроде препарата против рака – в этом я плохо разбираюсь.

– Привет, Лулу, – сказал он в трубку мобильника. – Послушай, я… мм… в общем, я хотел узнать, как у тебя дела. Мама сказала, что в последнее время у тебя какие-то сложности.

– Ага, – ответила я, и глаза наполнились слезами; меня тронуло его участие. – Джей, если бы ты знал, как мне его не хватает. Я так люблю его, так его ненавижу, просто… в общем, ужасно.

Голос мой дрожал. Хотя я ни в коей мере не сомневалась в правильности своего решения не ехать с тобой, на сто процентов, но снова и снова прокручивала в голове наши с тобой разговоры, пытаясь придумать слова, которые заставили бы тебя остаться. Что во мне не так, если ты так долго таился от меня? Я пыталась представить, вел бы ты себя иначе с другой. Кейт предупреждала: не исключено, что ты уедешь гораздо раньше. Тогда я ей не верила, но сейчас вижу: она была права.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Имеется в виду Колумбийский университет. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Перевод М. Зенкевича.

3

До 11 сентября 2001 г. располагался на 106-м и 107-м этажах в Северной башне Всемирного торгового центра.

4

Перевод А. Курошевой.

5

Нулевой уровень, участок в Нижнем Манхэттене, на котором до 11 сентября 2001 г. располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра.

6

Абу-Грейб – тюрьма в одноименном иракском городе, расположенном в 32 км к западу от Багдада. Печально известная еще во времена бывшего иракского лидера Саддама Хусейна, тюрьма Абу-Грейб была превращена американцами после вторжения в Ирак в место содержания иракцев, обвиненных в совершении преступлений, направленных против сил западной коалиции.

Купить: https://tellnovel.com/dzhill-santopolo/svet-kotoryy-my-poteryali-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити